

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Шмаев

МСТИТЕЛЬ

Лето надежд

Военно-историческая фантастика

Валерий Шмаев

Мститель. Лето надежд

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шмаев В. Г.

Мститель. Лето надежд / В. Г. Шмаев — «Махров»,
2018 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-121086-1

Долгожданное продолжение цикла «Мститель»! Виктор Егоров (позывной «Егерь»), офицер спецназа ГРУ, угодивший в 1941 год, два года вел собственную войну на оккупированных фашистами территориях. Его отряд, составленный из вчерашних советских школьников, навел ужас на врага, но всякому везению приходит конец – партизан окружили отборные немецкие каратели. Спасая своих людей, Егоров уводит погоню за собой и пропадает без вести. Но на подмогу Виктору уже пришли его старые боевые товарищи из XXI века – целая команда ветеранов «горячих точек» и «малых войн». Теперь «производство» диверсантов будет поставлено на поток и фашисты умоются кровью. На них возлагается множество надежд, лето 1944 года должно стать переломным! Но сумеют ли бывшие спецназовцы воплотить все свои задумки и, главное, отыскать пропавшего командира?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121086-1

© Шмаев В. Г., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерий Шмаев

Мститель. Лето надежд

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

© Шмаев В.Г., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Лисовский Николай Валентинович.
Позывной «Лис»

Странно было это все. Вроде я уже давным-давно не тот юноша, окончивший в НВВКУ¹ факультет специальной разведки, – седина пробивается. Повидать мне в жизни кое-чего пришлось. В сказки давно перестал верить. Если бы сказал мне об этом кто другой, рассмеялся, у виска покрутил да забыл бы в ту же минуту, но «Стерх» в пересказах фантастических историй замечен не был.

Разумеется, я слышал и о «Стерхе», и о «Егере». Видеть не довелось до этой встречи, но профессия наша вообще не располагает к близким контактам с посторонними людьми. В нашем узком кругу отставных и не очень «силовиков» о каждом из нас ходят десятки как правдоподобных, так и придуманных историй и легенд. Обо мне тоже многое говорят. В очень узком кругу. Ну, и в штабах тоже. В штабах истории, понятно, с душком, там все с душком, и служба тоже. Даже не с душком, а с вонизмой, но это их служба и дела, ко мне никакого касательства не имеющие.

Оказался я на даче у одного нашего общего хорошего знакомого в нужное время. Чего уж там греха таить? Это был один из тех людей, который знал меня с давних лет. Именно этот человек помогал мне сразу, как меня из армии «ушли».

Генерал армии Владимир Константинович Стольников был первым человеком, который протянул мне руку помощи тогда, когда я думал, что в самое ближайшее время меня добьют на «гражданке». И помог мне генерал – и на работу почти по специальности пристроил, и на работе той меня поселили в частном коттедже на хорошо охраняемой территории под Санкт-Петербургом, ни документов, ни фамилии не спрашивая.

А что было со мной делать? В крайней операции я четверых братьев серьезного арабского шейха прибил. Собственноручно. Я же не виноват, что они оказались в той комнате, в которую залетела моя граната, и опять-таки не виноват, что у меня привычка делать контрольный в голову короткой очередью. Так что головы у них разлетелись как гнилые арбузы, что их первейшему родственнику сильно не понравилось.

Да – похулиганил немножко, есть такое дело, но мне не нравится, что в мою страну сотнями килограммов идет жуткая наркота, отправляемая подручными этого внешне истинного мусульманина. Его братья ничем от старшего брата не отличались, и каждый вел свое направление бизнеса. Как у них называлось то, чем они занимались. Работоторговля, проституция, киднеппинг, производство порнографии, в том числе и с детьми. Ничем братишки не брезговали. Итог был вполне закономерен. Чего уж тут обижаться на карающую длань правосудия?

Все мы правильно сделали: дошли, захватили, уничтожили. Вот только старшего братьевника в особняке не оказалось. Кто же знал? Пришли-то мы по душу старшего братца. Говорили ему умные люди: не надо отстегивать «баблю» не в ту сторону, но, видимо, не в те уши влетало.

На «священную борьбу с неверными» этот правовеерный мусульманин отстегивал как партийные взносы – ежемесячно. Долю засылал конкретную – как в воровской общак, но и связями боевиков пользовался беззастенчиво, как своими собственными.

А у нас категорический приказ. Ведь Верховный главнокомандующий нашей страны прямым текстом в самом начале своей политической карьеры сказал: «Будем мочить в сортире. Вопрос закрыт окончательно». А где находятся сортиры? В доме. В том числе и в собственном доме особо непонятливого клиента.

¹ Новосибирское высшее военное командное училище.

И никого не волнует, что этот дом в другой стране мира – мы защищаем интересы своей страны в любом уголке земного шара. Девиз у нас такой. Все это знают, а кто не знает, нас опять-таки не сильно волнует – у нас приказ. И никто не виноват, что периодически обдолбанный старший братец прямых намеков Верховного главнокомандующего нашей страны не понимает.

В точке эксфильтрации мою группу ждала засада. В живых остался я один. Добирался на Родину окольными путями, а дома меня уже с нетерпением поджидало увольнение «из рядов». Видимо, чтобы старшему брательнику было легче меня искать.

Могли, конечно, меня ребята из этого охранного агентства сдать, чтобы заработать свои полтора ляма «зелени»², но предателей среди них не оказалось, в отличие от кого-то из «генштабистов», сдавших всю мою группу. Кто нас так оперативно подставил, я, разумеется, выявить не смог – не мой уровень доступа, но об этой необычной операции знали не только в нашем штабе.

Так и прожил я два года, ни в чем себе не отказывая, пока меня со всеми собаками по всей стране разыскивали. Тренировал небольшие группы личных телохранителей, проводил индивидуальные занятия, монтировал системы безопасности – я же и швец, и жнец, и на дуде игрец. И стрелять могу, и, если понадобится, смогу качественно взорвать, что прикажут, и морду лица пятаку мордоносителей набью легко и непринужденно. Да и вообще, знаний и умений у меня вагон и маленькая тележка – на все руки мастер. И ноги. И головой пользоваться умею.

Собой тоже занимался, разумеется. Два года – это очень много, когда ровно сидишь на пятой точке, и очень мало, когда пытаешься самосовершенствоваться. В моей профессии крайне мало людей, остановившихся в своем развитии по достижении какого-то определенного результата или звания, и совсем нет ленивых. Я – не исключение. Раньше у меня просто было слишком мало времени на то, чем я с упоением и занимался в эти короткие для меня месяцы.

Ну, во-первых, языки. Финский и испанский? Зачем? Да черт его знает. Английский и арабский я знаю в совершенстве, а вот финский, французский и испанский на хорошем разговорном уровне. Так уж сложилось в нашей семье, что знание языков – это основа основ начального образования всех отпрысков семьи Лисовских. С прапрабабушек и дедушек еще пошло. Теперь и мы мучаемся, чтобы перед предками не позориться.

Во-вторых, метание самого разнообразного холодного оружия. Моя давняя страсть, нашедшая наконец время для реализации или, скорее, для ее совершенствования.

Метание ножей – это отдельная наука, которую в той или иной степени проходит любой человек, связавший свою судьбу с армией. На начальном этапе бойцов учат простейшим и надежным приемам уничтожения противника подручными предметами и, в частности, штык-ножом, но со временем механизмы обучения усложняются. Кто-то приходит к этому, наняв дорогостоящих учителей, кого-то обучают специализированно, ну а кому-то, как, к примеру, мне, приходится идти к вершинам лишения жизни ближнего своего самостоятельно.

Помимо метания ножа меня всегда привлекало сюрикэндзюцу и, как продолжение этого боевого искусства, – метание любого метательного оружия от иголок и топоров до метательных пластин Тадеуша Касьянова.

Вот странно, но простейшее вроде бы оружие, а изобрел и усовершенствовал его представитель страны, в которой любая самозащита, мягко говоря, не приветствуется на государственном уровне, а грубо – преследуется по закону.

В отличие от сюрикенов различных форм и веса метательные пластины могут убить противника и на расстоянии более двадцати метров, что само по себе для людей, разбирающихся в метании холодного оружия, – чрезвычайно серьезный показатель. Кроме того, пластины Таде-

² Полтора миллиона долларов.

уша Касьянова легко входят в нагрудные карманы гимнастерки или десантного комбинезона, а вес их несколько выше традиционных метательных звезд.

Пластины легко метать с двух рук, особенно по густой толпе нападающих, а из-за веса в двести пятьдесят граммов этот метательный снаряд развивает очень высокую начальную скорость полета. Ко всему прочему, это необычное оружие легко использовать в замкнутом пространстве в качестве оружия ближнего боя.

К тому же чисто для себя я сделал два массивных и почти имитационных портсигара, на стенки которых поместил по четыре зачерненных стальных клинка. Ну, и около двух лет совершенствовал мастерство метания этого вспомогательного оружия последнего шанса.

В моем положении никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, и предложение старого друга нашей семьи и моего первого учителя оказалось как нельзя кстати. В общем, выслушал я предложение генерала армии в отставке Стольников, прослушал откровения «Стерха», поглядел на фотографии с молодым лейтенантом, в ту пору еще не бывшим «Егерем». Внимательно рассмотрел фото с капитаном Егоровым, в свое время прославившимся на всю нашу необъятную страну. Даже мы всем нашим подразделением тогда над этим необычным армейским анекдотом ржали.

Окунуть в унитаз штабного генерал-лейтенанта, а в процессе подтаскивания тушки к сосуду, полному качественного поноса, сломать генералу челюсть, ключицу и руку мог только контуженый «Егеря».

Впрочем, ничего удивительного. Ведь капитан Егоров генерала два раза в унитаз макал. В первый раз промахнулся, и челюсть генерала приказала долго жить. И в дверь туалета не сразу с этим кабаном прошел – капитальный дверной проем оказался крепче хрупкой ключицы, обросшей качественным генеральским салом. Рука понятно – генералу очень не хотелось в унитаз, но у «Егеря» было на это свое мнение.

Так сказать, выступил командир разведгруппы напоследок со своей сольной программой. Говорят, Егорова после контузии и госпиталя года три в сознание приводили – он все никак навоеваться не мог. Получается – вон где капитан свою войну нашел! Скатался, так сказать, на родину к приятелю.

В июле две тысячи десятого года капитан Егоров со своим приятелем Виталием Дашкевичем отправились в Витебск. Выбрались из дома они несколько раньше необходимого им времени, поэтому в дороге заночевали в найденном ими старом военном блиндаже, находящемся в Невельском районе Псковской области. А наутро оказались на самой страшной для истории нашей страны войне.

Оказавшись в июле сорок первого года практически в самом центре провального отступления Красной Армии, капитан спецназа главного разведывательного управления России не растерялся и ушел глубоко в тыл наступающих немецких войск – в Латвию. Добравшись до нужного ему района, «Егеря» создал опорные базы и принялся заниматься тем, что умел делать лучше всего, – уничтожать живую силу противника. Тем более что далеко бегать за этим самым противником ему не пришлось.

В процессе движения в район боевых действий Егоров набрал и обучил несколько десятков местных юношей и девушек, здраво посчитав, что молодых ему проще обучить и значительно легче будет с ними воевать. Без плененных немцами и освобожденных Егоровым бойцов и командиров Красной Армии, конечно же, не обошлось, но авторитет капитана в отряде был непреклонен, и традиционного для армии тех лет двуначалия не произошло.

Последние военные фотографии капитана Егорова я тоже с интересом рассмотрел. Они могли бы показаться фотомонтажом, если бы «Стерх» почти год не искал «Егеря». Его бывший подчиненный пропал очень странно. Машину капитана Егорова нашли достаточно быстро – в машине стояла система спутниковой сигнализации, и у капитана с его работодателем была

обговорена система контрольных звонков, а вот сам «Егерь» и его помощник Дашкевич как сквозь землю провалились.

А в июле две тысячи одиннадцатого от капитана Егорова из сорок второго года пришли гонцы: пропавший вместе с ним немолодой белорусский строитель Виталий Дашкевич и юная девушка Вера, родившаяся в начале двадцатого века. Еще через год Вера решила вернуться обратно, а вместе с ней собрались в теперь уже сорок третий год чуть более десятка хорошо послуживших своей Родине бывших военных, и в первую очередь двое побратимов «Егеря» – «Малыш» и «Хаски».

Народу собиралось значительно больше – более трех десятков, но количество уходящих строго ограничил командир капитана Егорова подполковник Логинов с позывным «Стерх». Блиндаж не был резиновым, и то, что заказал «Егерь», необходимо было переправить в первую очередь, а заодно отправить в начало прошлого века тех, для кого проживание в современной России стало занятием небезопасным.

Так, первыми кандидатами на отправку стали двое разведчиков, ВДВ и морской пехоты, «Багги» с «Лето», которым грозили немаленькие сроки заключения. Двое снайперов, Ким и «Сава». Первый нарвался на «великую любовь» состоятельной дамы, не привыкшей слышать категоричные отказы «какого-то сапога». Второй отбил первичные половые признаки (и, надо сказать, не только их) трем пэпээсникам, обобравшим старого соседа – снайпера, прошедшего всю вторую чеченскую войну. Были в кандидатах на отправку и сапер от бога, и полковник ФСБ, и три уникальных технических специалиста у него на подхвате.

Словом, «посылку» «Егерю» «Стерх» собрал качественную. И меня пригласил поучаствовать в этой необычной командировке. Тем более что через годик-другой можно было попробовать вернуться обратно.

Думал я недолго – всю жизнь за пазухой у Владимира Константиновича не просидишь. Искушать людей тоже надо в меру – задерет обиженный арабский родственничек планку еще на полтора миллиона, и у кого-нибудь поднимется рука нужный телефончик набрать.

Собирался тщательно – уходил все же навсегда (возвращаться я не планировал) и в каменный век по сравнению с две тысячи двенадцатым годом. Еще неизвестно, будет ли возможность зачерпнуть отсюда недобранного в первый раз.

Товарищ генерал тоже подсобил, чем смог, а он мог очень многое. В арсенале находящегося якобы в отставке генерала чего только не было. Загрузил он меня, не жалея собственного добра – «Стерх» также, не жалея, поделился финансами «Егеря». Ну, и электронную базу специалисты его охранного агентства мне такую подобрали, что у меня слюни ручьем текли.

О задумке «Стерха» и «Егеря» я тогда даже не догадывался. Кто ж знал, что они переход взорвать удумают? И ведь как качественно его грохнули! Воронка была метров двадцать в диаметре. Бревна блиндажа разнесло в щепу, ближайшие сосны как костяшки домино легли. Вповалку. Будто тунгусский метеорит е... навернулся. Но выяснилось все это уже значительно позже.

Короче, собрались, загрузились в реально существующий блиндаж. Я еще с девочкой Верой переговорить успел, пока туда добирались. Когда с ней беседовал, сам во все поверил – слишком необычная девочка оказалась. В наше время таких девочек уже давно не делают, видимо, технологию производства где-то потеряли.

Перезнакомился и с теми, кто туда же уходил, а уходили многие. «Стерх» меня с короткими характеристиками ознакомил. Люди все жизнью битые, а кто-то и с проблемами. Кто с житейскими, кто с законом родного государства, а кто, как «Лето» с «Багги», – войной наглухо переклиненные.

А полковник ФСБ Малышев Александр Иванович – это отдельная история. Меня с ним «Стерх» персонально познакомил, и мы с этим необычным офицером даже последовательные шаги наметили, но человек предполагает, а война все расставляет по своим местам. Думали...

Черт его знает, чем мы с ним думали. Наверное, до самого выхода из блиндажа я надеялся, что все это розыгрыш. Подсознательно к этому был готов, а выйдя из блиндажа, ошалел.

Это был в первую очередь очень сильный эмоциональный шок, и испытал его не я один. Ожидание чего-то необычного перекрыла будничная реальность. Вон там, за провалом старого военного блиндажа, была обыденная для нас жизнь со всеми привычными нам проблемами и устоявшимся укладом жизни. Психологически я ожидал обстановки как на старых черно-белых кадрах военной хроники, а увидел обычный сосновый лес. С запахами, яркими красками, пением лесных птиц, шелестом песка под ногами. Это ударило сильнее всего.

Воздух чище – сразу чувствуется после загазованного Санкт-Петербурга. Обстановка вокруг изменилась – песчаного карьера как не было. Лес, нас окружающий, совершенно изменился, а чуть в сторонке стоит немецкий ручной пулемет, и потрясающе красивая девочка в незнакомом камуфляже рядом с ним расположилась. Ребенок совсем, лет, может, пятнадцати, а взгляд как будто через прицел смотрит и сейчас на спусковой крючок нажмет.

Слух у меня сразу отдаленную стрельбу отметил и гул где-то высоко, но самолет не сверхзвуковой. Звук другой. Басовитей, что ли?

«Егеря» я только мельком увидел. Не таким он оказался, как на фотографиях, – много старше и на лице шрам свежий. На фотографиях прошлого года этого шрама у «Егеря» не было. Оружие местное, экипировка слегка на нашу похожа, но люди, его окружающие, от нас отличаются, как земля и небо. Мальчишки и девчонки, а взгляды, как у той девочки у пулемета, и возрастом все не намного старше. Молодых парней всего несколько человек, и все они вокруг Егорова кучкуются таким плотным живым щитом. Как будто отойти от него бояться и прикрывают его от всего на свете.

«Егеря» сразу приказания принялся отдавать своим бойцам. Нас он как-будто не видел, но приказания отдавал и Вере тоже. А вот девочка Вера....

Девочка Вера кардинально изменилась, как будто мгновенно напिताвшись силой окружающей нас обстановки. Я вдруг понял, что в ней было необычного. У нас она была чужая. Наверное, мы все так себя ведем в незнакомом для себя месте – слегка настороженно.

Для Веры даже через год все у нас было чужим, а сюда она вернулась домой, и не просто домой, а в собственную семью, и все окружающее ее было ей привычным. Оказалось, что у нее позывной «Дочка», и она уже помощник «Егеря», и слушаются его бойцы Веру, как и самого «Егеря», а на нас они смотрят, как на пустое место. Нет. Поглядывали с любопытством, но общаться не желали от слова «совсем».

Окружили Веру с сыном в основном девчонки. Две из них выделялись. Слаженностью движений, что ли? Они действовали как единый механизм: четырехногий, четырехрукий и абсолютно неживой.

Одинаковые комбинезоны, разгрузки, будто приросшие к спинам рюкзаки-трехдневки, добротные, сшитые на заказ берцы, «вальтеры» на поясе и банданы были у всех бойцов «Егеря», но конкретно у этих девушек были на бедрах ножные кобуры с небольшими нестандартными револьверами. С двумя у каждой девчонки, на каждом бедре под обе руки.

Они что же, обе двурукие? Сильны! Где «Егеря» их взял?

Такие же сшитые на заказ умелыми руками открытые кобуры, хитрой системой кожаных ремней притянутые прямо к комбинезонам, торчащие рукояти револьверов и длинные кармашки рядом с глушителями. И видно было, что этими револьверами девушки пользоваться умеют.

Та девочка, что нас у блиндажа встретила, – Тая. Со своим «MG-34», который ей тащил один из парней, что все время сопровождал Веру, и «Фея». Красивая девчонка, это – без какого-либо сомнения, но красота ее была необычной.

Было в чертах лица этой девочки что-то неземное, нечеловеческое. Настоящая фея, как будто сошедшая с иллюстрации фантастического романа, но в такой же, как и у всех остальных

ных, форме. Разве что вместо привычного в фантастических романах лука за ее плечом висела такая же, как и у «Егеря», снайперская винтовка с большим, кустарно сделанным несъемным глушителем.

«Фея» руководила всем, что крутилось вокруг Веры и «Егеря». Командовала привычно. Естественно. Буднично доводила приказы «Егеря» и Веры до конкретного исполнителя и ни разу не ошиблась. И так же как и Тая, за все это время ни разу никому не улыбнулась.

На острове все встало на свои места. «Егерь» все четко разложил как по полочкам: здесь вы, а вон там, в сторонке, я с моим отрядом. На войне всем места хватит, а делить мне с вами нечего. У вас своя жизнь, у меня своя – и они не пересекаются. Идем вместе до определенной точки, а потом вам за линию фронта, а мне дальше своей дорогой.

То, что капитан Егоров придумал и сделал всего за два года, я осмыслить сразу не смог. Было крайне сложно, так сказать, мозгами охватить всю масштабность его проекта. Мне на это не одна неделя понадобилась – девочка Вера помогала поначалу. И когда она успела инструкции от «Егеря» получить?

Про диктофон с наказом «Егеря» я только в самом конце войны узнал, но те документы, что капитан Егоров мне в самый последний момент передал, и те, что мы в Риге захватили, сразу определили направление моей работы и работы отдела, а несколько позже и всего управления полковника Малышева.

Деньги, которые были на немецких счетах в южноамериканских и североамериканских банках, были не просто большими. Это были гигантские легальные суммы, которые сразу же начали вкладывать по предложению Малышева в различные проекты в Канаде и Америке.

Теперь того голода, который был в нашем мире в сорок шестом и сорок седьмом годах в Советском Союзе, уже не будет. Не будет послевоенного экономического спада, и вообще очень много чего не будет. Уж мы постараемся, и ребята «Егеря» тоже.

Отряд «Егеря», уже легализированный в Америке и Великобритании, принялся частично осваивать в том числе и эти деньги. Проекты, которые запускались в этих странах, должны были со временем изменить расклад во всем мире, и руководили ими те самые люди, которых мой современник спас от жесточайшей смерти в сорок первом и сорок втором годах.

Тогда, сразу после перехода, я еще не понимал, что все, кого мы видели своими глазами, учились у «Егеря» два долгих военных года. Учились истово, отказывая себе во многом, отрывая время от и так невеликого времени отдыха и сна. Учились всему, что знал капитан российского спецназа. Учились не только убивать, но и выживать в невероятно сложных условиях полной автономности своей жизни в окружении смертельно опасных врагов. Два тяжелейших года этой бесконечной войны.

Эти пожилые мастера, врачи и юные мальчишки и девчонки научились выживать, побеждать и убивать всех, кто попадал к ним в прицел. И две необычайно красивые девочки капитана Егорова – не исключение, а скорее, основа этого жестокого, незыблемого для всего отряда правила. Они, Вера и все остальные бойцы отряда прошли жесточайшую школу «Егеря» и этой проклятой войны. И выжили.

Там, на захваченном нами немецком аэродроме, «Егерь» отдал мне все свои долгоиграющие заначки. Это были не только документы на недвижимость и различные вклады в Великобритании, Америке и Канаде, которые он захватил зимой сорок первого года, но и свои личные бриллианты, сапфиры, изумруды и рубины. Серьезные драгоценности – это без всякого сомнения. Целое состояние. И куда их вложить объяснил. Как чувствовал капитан Егоров, что он в этой Норвегии навсегда останется.

Это своим девчонкам Егоров мог лапшу на уши вешать, но я-то прекрасно знал, к чему такие «кавалерийские атаки» приводят. Вот и «Егерь» в свою последнюю атаку сходил. Хлопнул напоследок дверью, разнеся в кровавый фарш больше полутысячи гитлеровцев.

Самолеты и аэродром в хлам превратились. Шесть торпедных катеров у немцев английские и американские пленные угнали. Они же недостроенный военный завод и концлагерь, рядом с ним находящийся, в труху стерли. Несколько поспешно собранных подразделений немцев те летчики и моряки, кто на берегу остался, в окрестных горах перебили, но потом их зажали и планомерно уничтожили. «Егеря» со своей личной группой пропали, как не было.

Отвлекающая атака у группы «Егеря» удалась – документы и ценности в месте отлета даже не искали, а через двенадцать дней разведчики Зераха вывели группу Кима и «Хаски» на точку, откуда всех забрали самолеты. К тому времени надежда на то, что группа «Егеря» объявится, еще была. Со временем эта надежда развеялась, как утренний туман под жарким летним солнцем.

За документы, что мы доставили, всем наград отсыпали, не жалея. Так у меня появился первый орден Боевого Красного Знамени. За задел «Егеря». Вломился он в эту жизнь как лом через сугроб и нас за собой притащил. Нам было уже намного проще. Обычных бытовых сложностей хватало, но задел «Егеря» в том и состоял, что поставил он себя наособицу, а не в общий со всеми строй, и каждому из нас порекомендовал вести себя так, как хотелось в самых смелых наших мечтах, – без тормозов и оглядки на прошлую жизнь. И не прогадал.

Ушли в этот мир те, кто себя в той жизни не нашел, но собирался раскрыться здесь по полной программе. Раскрылись, конечно же, и сделали все, что запланировали вместе с «Егерем» еще на болоте, и даже с горкой, но... уже без капитана Егорова.

По совокупности «Командиру» с «Рубиком», «Кубиком», «Чуком» и «Геком» за все, что они за лето сорок третьего наворотили, присвоили звание Героев Советского Союза. Посмертно.

* * *

Прилетели мы за линию фронта на захваченном у немцев самолете и сразу воткнулись в теплую встречу из оцепления бойцов спецполка НКВД и сотрудников СМЕРШ, попробовавших нас сразу же разоружить. Наивные «советские дети». Разоружить «Багги» с «Лето» да «Фею» с Таей, особенно когда они разоружаться не хотят, это затея не только безнадежная, но и крайне опасная.

«Багги» со своим приятелем уложили вырвавшихся вперед шестерых оборзевших особистов, не напрягаясь – как на тренировке. Затем вперед вышли две маленькие девочки с револьверами с глушителями и посшибали со всех близ стоящих головные уборы, стреляя с двух рук. После этого обе девочки сделали ровно три шага вперед и протянули смершевцам свои детские ручки с зажатыми в них по такому случаю гранатами, объяснив, что, пока на аэродроме не появится Смирнов, к самолету посторонние подойдут только через их трупы.

Проверять серьезность намерений девчонок никто не захотел, а Смирнов подошел уже через десяток минут. Я как бы и не сомневался, что это очередная смирновская проверка, но вида особенного не подал, а вот все бойцы «Егеря» моментально ощерились стволами. Даже старики, оказавшиеся умельцами с действительно платиновыми руками, повытыгивали из карманов пистолеты.

Это могло бы показаться безумием. Против нас стояло никак не меньше трех взводов серьезных бойцов, вооруженных автоматами и винтовками «СВТ», да и парочка пулеметов наверняка в кустах была заныкана, но, как я потом узнал, отношение к бойцам из отряда «Второго» было весьма специфическим. Как сказали бы в нашем мире – эксклюзивным. Этих юношей и девушек реально уважали. Ну, и нас с ними до кучи.

Дальше все завертелось со скоростью лопастей вентилятора. Личный представитель Сталина дураком не был и, коротко переговорив со мной и только прочтя две страницы документов, что приехали с нами – немецкий язык он знал как бы не лучше русского, – моментально

взбледнул с лица. Неверяще оглядев меня с ног до головы, Смирнов унесся в штаб полка звонить в Москву.

В тот же миг я стал заместителем Смирнова и командиром всей нашей сводной группы. На охрану немецкого транспортника встали легчик, штурман, «Стрелок» и «Фея» с Таей. Причем «Фея» сразу взялась за снайперскую винтовку и буквально растворилась в высокой траве аэродрома, а Тае откуда-то притащили ее немецкий ручной пулемет, и она демонстративно разлеглась у лестницы в самолет, наведя ствол на группу «особистов», стоявшую на некотором расстоянии, от чего те рассосались в разные стороны быстрее ветра.

В самолете у авиационных пулеметов угнездились отошедшие от нашего безумного полета мастера, хотя внешне не было заметно, что у пулеметов хоть кто-то есть. А у меня работы вдвое прибавилось: организовать кормежку и кормить личный состав и пленных немцев, встречать врачей и медсестер и размещать в спешно поставленных палатках раненых, менять охрану и быть основным связующим звеном между всеми своими бойцами и опущенным на глазах у всего аэродрома подполковником СМЕРШ Гогридзе.

Тем самым мутным типом, что попытался нас разоружить, а в результате полежавшим под ногами у озорника «Лето». Причем под ногами в буквальном смысле этого слова. Сидящий на ступеньке лестницы в самолет «Лето» сложил на местного наполеончика свои подставки и периодически прикладом автомата вваливал по почкам потеющему от возмущения подполковнику, пока Смирнов не подошел.

Сопротивляться никто и не пытался. «Лето» с «Багги» в своих «горках», бронежилетах, касках с пуленепробиваемыми забралами и с не виданным никем оружием, обвешанные всяческими тактическими приблудами, выглядели, как мне потом сказал один из врачей, перевязывающих наших раненых, просто до жути страшно. На мне было навешано не меньше, и в глазах общавшегося со мной врача плескался животный ужас, который он и не стремился скрыть.

Впрочем, как я узнал несколько позднее от того же врача, ужас его был скорее практическим. Вся медицинская бригада, включая медсестер, не без оснований считала, что, прикоснувшись к подобной государственной тайне, они могут стать позже уже не нужны – застрашали их сотрудники СМЕРШ подписками совсем не по-детски. Опасались они напрасно – «Фея», неведомым образом узнав об этом, тут же доложила мне, а я достаточно серьезно наехал на Смирнова, и в результате все медики, что ухаживали за нашими ранеными, улетели с нами в Москву.

В тот момент я мало чем отличался от «Лето» с «Багги». Единственное, чего на мне тогда не было, так это каски, но бандана и разрисованная разноцветными полосами мрачная рожа дружелюбия мне не добавляли. Свою каску мне пришлось на болоте оставить – тащить было лениво, загрузился я у старого друга моего отца так, что до болота едва дополз, а вот двухжильные командиры разведгрупп даже штурмовые щиты до острова на болоте дотащили.

При этом «Лето» разжился штурмовым щитом «Вант-ВМ» весом всего в двадцать четыре килограмма, а вот трехжильный «Багги» где-то оторвал шестой «забор» в полной комплектации. Впрочем, понятно, где – явно Малышев Александр Иванович посодействовал. Такие щиты пока только спецназ ФСБ использует.

Хорошо, что любопытных от нас отгонять не пришлось. В нашем времени даже на хорошо охраняемый объект может пролезть пронырливый журналюга или салабонистый пацан со смартфоном.

Здесь таким «просто любопытным» без долгих разговоров пулю выписывают – во внешнем оцеплении волкодавы стояли. Эти ребята не одну прифронтовую зачистку прошли – это по их повадкам да движениям было видно.

Пленных «Егерем» немцев из самолета мы выпускали только в туалет, построенный мастерами в самые первые минуты после приземления. Нас же никуда не отпускали, а естественные надобности у более чем тридцати человек никуда после приземления не делись.

Пехотные лопаты были у всех бойцов «Егеря», даже у девчонок. Быстренько выкопали пяток ям – гадить с немцами никто не захотел, а девчонкам сделали персональный. Срубили десяток березок на опушке – ходили туда всемером как на боевую операцию, но подполковнику СМЕРШ Гогридзе хватило одного унижения, и больше дурить он не пробовал. Да занавесили все это полевое строение немецкими парашютами, запасенными на аэродроме под Ригой.

Немцам и раненым чуть позже поставили большие армейские палатки, но долго на аэродроме мы не просидели. Уже к концу следующего дня за всеми нами прилетели самолеты.

* * *

Мое участие в этой войне началось с заключенных, а точнее, с самого первого нашего разговора с Верховным³. Пришли мы к Сталину всем составом иномирцев, включая девочку Веру, через четыре дня после прилета в Москву. Наверное, это было простое любопытство Сталина, уже несколько раз общавшегося с Малышевым, – слишком революционными оказались наши предложения. Скорее всего, Верховному необходимо было глянуть в глаза людям, предлагающим все это. Составить, так сказать, собственное впечатление об этих прожектористах.

Пришли мы все при полном параде. Парадную форму, разумеется, никто с собой не притащил, не на парад собирались, а на войну, но награды на «горки»⁴ нацепили все. Сговорились предварительно, конечно же. И после разговора с Верховным так и не снимали.

Разговор сразу зашел о наградах – больно «Мужик»⁵ на царский орден смахивает. Тут Степаныч и выдал, что если возвращаться к истокам и вводить ордена Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого и Александра Невского, то надо возвращать статус «Геоργия» и приравнять его к «Славе»⁶. К тому же орденом Славы в нашей стране после войны никого не награждали, а «Геоργий» до революции был действительно народной общевоинской наградой – этим орденом награждали и солдат, и унтер-офицеров, и офицеров, и даже генералов с адмиралами.

Память об ордене Святого Георгия даже в нашем веке сохранилась – его давали за исключительную храбрость на поле боя. К началу Великой Отечественной георгиевских кавалеров осталось не так уж и много, но уважение среди старшего поколения они вызывают нешуточное. Тот же Буденный Семен Михайлович, к примеру, – полный кавалер Георгиевского креста. Ему все степени не за печатание строевого шага на плацу выдали, а за действительную, исключительную храбрость, проявленную им в Первой мировой войне.

Государству-то, по большому счету, все равно, а старшему поколению в радость. Так и появились в конце сорок третьего года в общем количестве новых наград ордена Святого Георгия и Мужества, приравненные к статусу солдатско-офицерских орденов. Снимать никто из нас своих «Мужиков» не захотел, а были они у всех, кроме старшего «Мишика», в быту Дронникова Михаила Алексеевича, и «Малыша» – его только «Отвагой» в свое время отметили.

Причем обеими наградами награждала за заслуги перед Отечеством Русская православная церковь, и в народе ценились они как бы не выше наград государственных, так как давались обычно либо посмертно, либо по представлению служителей церкви, которых в дивизиях даже к концу войны можно было пересчитать по пальцам.

³ Верховный главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин.

⁴ Горный штурмовой костюм. Создан с учетом опыта войны в Афганистане в 1981 году.

⁵ Орден Мужества.

⁶ В реальной истории ордена Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского, Нахимова и Ушакова учреждены в 1942–1943 годах. Возвращение ордена Святого Георгия Сталиным планировалось, но так и осталось в проекте.

Сталин пошел на это как-то легко. Ему с самого начала понравились само название боевого ордена Мужества и его внешний вид. К тому же церковь по-быстрому подсуетилась – агитировать за вечную жизнь священники не пытались, а словом помогали здорово, да и в госпиталях, особенно во фронтовых, святые отцы оказались очень востребованы. Малышев, переговорив с патриархом, достаточно быстро нашел с ним общий язык, и финансирование первых двух десантных бригад нашего управления почти полностью взяла на себя Русская православная церковь.

Кстати, первыми кавалерами ордена Святого Георгия, а впоследствии и первыми полными кавалерами этого ордена стали командиры тех самых первых десантных бригад нашего управления – «Багги» с «Лето». Но это только потому, что в их подразделениях священники служили вместе с замполитами, а в основном с врачами и санинструкторами, принося пользу в десантах как бы не больше тех самых замполитов.

Мы все прекрасно понимали, что наше появление не уменьшит сроки окончания войны. Ни победа над фашистской Германией, ни победа над Японией из-за нашего появления в этом мире существенно не приблизится.

Чудес просто не бывает. Законы войны неизменны, возможности промышленности неограничены, а те знания, что мы притащили с собой, использовать можно было лишь эпизодически – то есть только при проведении конкретных войсковых операций.

Единственное, что мы могли сделать, это уменьшить потери и изменить сам ход боевых действий. Равно как и приблизить сроки ввода новой техники, различных типов боеприпасов, лекарств и промышленных инструментов и дополнительного оборудования, но все это, к сожалению, не мгновенно. В конце концов, мы не маги-волшебники, а просто-напросто люди. Да, вооруженные новыми знаниями и некоторыми неизвестными здесь умениями и технологиями, но только люди и никак иначе.

В кармане ядерную боеголовку мы не принесли, хотя знания создания атомной и водородной бомбы и постройки ядерного реактора мы доставили. Ученым этого мира будет намного легче, а всей стране в целом значительно тяжелее. Капитан Егоров на год раньше доставил свои знания, а толку – чуть. Пшик. Первые «РПГ» только к Курской дуге на фронте появились. Да пистолеты-пулеметы Судаева в производство пошли, но их и без знаний Егорова производили.

Поэтому для того, чтобы Советский Союз стал ведущей ядерной державой, страна должна потратить колоссальные материальные ресурсы, предпринять огромные человеческие усилия и использовать из государственного кармана мизерные, остающиеся на самый черный день деньги. И все это во время непрекращающихся боевых действий.

В прошлом течении Великой Отечественной слишком много новинок самой разнообразной немецкой техники досталось нашим «заклятым друзьям». В этот раз мы могли попробовать изменить существующее положение вещей.

В нашем мире вся ракетная техника немцев полностью досталась американцам. Все разработки ракет ФАУ вместе с их разработчиками и основным идейным вдохновителем – гауптштурмфюрером СС Вернером фон Брауном попали в руки американцев. Все заводы по производству ракет ФАУ во Франции и Австрии, все разработки реактивных истребителей, вся документация и оборудование из подземных заводов «Шкода» и многое, многое другое так и не досталось нашим ученым. И мы должны были изменить текущее положение дел, тем более что знали теперь, как, где и что можно взять.

С одной стороны, все эти технические новинки в нашей стране были уже не нужны – мы появились в этом мире совсем не с пустыми руками. С другой – технический прогресс не стоит на месте, и его развитие иногда делает весьма непредсказуемые рывки вперед или немного в сторону, и оказаться в хвосте развития цивилизации нам очень не хотелось.

К тому же в течение всей войны нацисты грабили и все государства Европы, и нашу страну, и в нашем мире все эти баснословные богатства достались либо американской армии, либо разбежавшимся по всему миру немецким воякам, либо вообще никогда не были найдены. Лично мне бы очень хотелось изменить эту несправедливость. В том числе и в нашей стране, и это как раз было в наших силах.

Правда, кроме вышеперечисленного, был один фактор, который уже изменил этот мир, и этот фактор – мой современник капитан Егоров и его отряд, а теперь уже семейство Лерманов и отряд «Егеря». Документы, которые мы захватили в Риге, пленные, которых мы доставили в Москву, и задумки, информация и документы самого «Егеря» могут полностью поменять экономическую ситуацию в нашей стране в самые первые послевоенные годы.

Захваченный нами личный представитель рейхсминистра финансов нацистской Германии вез не просто секретные документы. Помимо всего остального у него были документы и доверенности на несколько уже открытых и работающих фирм в Бразилии, в Канаде и в Америке. Разумеется, у этих фирм уже существовали счета, и на них переводились деньги из банков Португалии, Швеции и Швейцарии. Подтверждение этих переводов этот курьер как раз и перевозил. И это были совсем не маленькие деньги.

Адъютант и, как выяснилось чуть позже, дальний родственник главнокомандующего военно-морским флотом нацистской Германии гросс-адмирала Карла Деница тоже перебирался в Америку не с пустыми руками. Счета и банковские вклады на очень впечатляющие суммы попали в наши руки сразу же, и если управление предприятиями и их счетами надо было еще перехватывать, то деньги со счетов гросс-адмирала сразу же пошли в дело.

Все эти операции за границей с разрешения главы государства мы проводили своими силами с привлечением специалистов из различных управлений Наркомата внутренних дел. Мы не стали закупать то, что уже шло в нашу страну по ленд-лизу. В этом не было никакого смысла. Именно эти деньги в первую очередь стала осваивать команда «Егеря». Грубо говоря, это стало некоторым подспорьем для развития тех самых действий, которые еще в начале сорок третьего года запланировал капитан Егоров.

Мы уже знали, что победим в этой войне, но необходимо было не допустить войны следующей. Теперь американцы не напугают Сталина еще одной бессмысленной войной, и в нашей стране не будет голода сорок шестого – сорок седьмого годов.

Дело в том, что в начале сорок шестого года разведка Страны Советов получила достоверные сведения, что американское правительство готово применить против Советского Союза ядерную бомбу. Кроме этого, в сорок шестом году на страну обрушилась дикая засуха, и часть урожая того года погибла. В результате всего этого Сталин, стиснув зубы, начал готовиться к следующей войне на уничтожение.

Полковник Федеральной службы безопасности России Александр Иванович Малышев привез на самом деле уникальную информационную базу, собранную в различных архивах Российской Федерации. Его уровень допуска к этим и до нашего времени засекреченным архивным документам был действительно очень высок. Или, скорее всего, у тех, кто ему помогал.

Мы действительно могли предоставить Иосифу Виссарионовичу беспрецедентно достоверную стратегическую информацию. Просматривая документы тех годов при подготовке главе государства развернутой аналитической справки, я поражался, какое напряжение сразу после победы было у Сталина и у всех, кто был допущен к этой прямо-таки сногшибательной новости.

Вся наша страна ликовала, солдаты возвращались домой, люди рвались к мирной жизни. Все. Победа! Впереди долгая счастливая и безоблачная жизнь...

...и в это время американцы обрезают поставки по ленд-лизу и грозят Советскому Союзу ядерной бомбой. Американские и английские войска заняли половину Европы и требуют скорейшего вывода советских войск из Австрии, Германии, Чехословакии, Японии, Китая, Ирана.

И все это после безумного наступления сорок четвертого года, когда наши войска спасли высадившихся на побережье Франции союзников. После всех выполненных Сталиным предварительных договоренностей. После нашего беспрецедентного танкового марш-броска через пустыню Гоби и перевалы Хингана. После разгромленных в Китае японских войск. После всех наших усилий в войне с Японией.

В то же самое время в нашей стране – дикая разруха. Уничтожены десятки тысяч городов, сотни тысяч государственных предприятий, миллионы людей, и не просто людей, а трудоспособного и репродуктивного населения. Того самого населения, которое четыре страшных года укладывали в землю, угоняли в рабство в Германию и сжигали в печах крематориев.

Советский Союз был не просто раздавлен войной с Германией и ее сателлитами – в стране практически полностью отсутствовали госрезервы. В ведении государства было всего две с половиной тонны золота, а в хранилищах госрезерва отсутствовало продовольствие.

У нашей страны была самая современная в мире армия, но ее нечем было кормить. Было заморенное тяжелым трудом и нечеловеческими условиями жизни население огромной страны, но большинству из этих людей негде было жить. Люди еще возвращались из плена и эвакуации, и их долгие месяцы надо было даже не кормить, а откармливать, а было просто нечем, и Сталин начал готовиться не просто к очередной, никому не нужной в нашей стране войне, а к следующему государственному унижению.

Правительство Советского Союза принялось набивать хранилища госрезерва урожаем сорок шестого и сорок седьмого годов, а в разгромленной вражескими войсками стране этих хранилищ в необходимом количестве не существовало, и хлеб просто-напросто пропадал.

Проверить неповоротливую государственную машину сразу не получилось. Война же закончилась, и большинство руководителей среднего звена на местах расслабились. И Сталин принялся продавать часть этих урожаев, потому что в стране не хватало не только хлеба, но и элементарных вещей, а взять их было совершенно неоткуда – ленд-лиза ведь уже не существовало, и помочь Стране Советов справиться с возникающими каждый день проблемами было некому.

Бывшие друзья и союзники стремительно превращались во врагов. Великая заокеанская держава требовала обратно так необходимую стране технику, поставленную по ленд-лизу, и, получив ее, тут же пускала эту технику под пресс. Так было дешевле «великой» стране «победившей демократии», а на моей Родине в это время люди лебеду, тополиные почки и лепешки из листьев и цветов липы ели.

Люди не жили, а с громадным трудом выживали, и в моей стране всю заребанил так часто упоминаемый в моем времени «указ семь-восемь» – указ от седьмого августа тридцать второго года, именуемый в народе «Законом о трех колосках». И поехали люди моей страны в лагеря на десять лет. За ведро угля. За не выкопанную на колхозном поле картошку. За кочан капусты. За карман, набитый только что обмолоченным зерном. И много еще за что.

Здесь этого уже не будет, и предотвратил весь этот послевоенный кошмар погибший в сентябре сорок третьего года капитан Егоров. Потому что фирмы и предприятия, специально открытые в странах Южной Америки, Канады и Мексики, заключат с нашей страной официальные договора на поставку самых разнообразных товаров и продуктов. Затем другие компании арендуют, а то и купят морские транспорты. И придут в нашу страну в середине сорок пятого года караваны транспортов типа «Либерти» и «Виктори»⁷ с канадским зерном, американским промышленным оборудованием и всем тем, что так необходимо Стране Советов.

⁷ «Либерти» – тип транспортных пароходов для обеспечения массовых военных перевозок. Построено более 2500

Война в Атлантике закончится, но в Японии будет продолжаться еще достаточно долго – мы обязательно этому поспособствуем, – есть у нас пара некрасивых, но очень эффективных задумок. А тем временем именно эти транспорты привезут в нашу страну то, что специально отправленные из Советского Союза в начале сорок третьего года люди и бойцы «Егеря» закупают на деньги совсем недавно сдохшей в дикой агонии «Великой Германии».

Основная идея капитана Егорова состояла во внедрении в капиталистическую систему независимой от Советского Союза организации. Эта организация должна была раствориться в американском обществе и, используя знания «Егеря» и его финансы, очень быстро занять свою нишу в производстве нескольких новинок, которые появятся сразу после войны.

Заработанные таким образом деньги частично должны были вернуться обратно в Союз и возвратиться со следующими новинками, золотом, алмазами и людьми, покалеченными войной. Новинки будут внедряться в капиталистическое общество, золото и алмазы превратятся в промышленное оборудование и поедут на свою новую родину, а инвалиды осядут на островах семьи Лерманов.

Идею «Егеря» с санаториями для инвалидов войны из различных стран тоже не стоило сбрасывать со счетов. Здравая идея с далекоидущим развитием. Вполне в духе нашего соотечественника, запустившего в этот мир организацию, которая всегда будет связана со Страной Советов, но, как и любая другая частная компания, сохранит свою независимость и свои самые разнообразные интересы.

И мне было немного обидно. Нет. Не обидно – скорее, неуютно. Царапала где-то внутри меня неумная, подленькая мыслишка: «Все это Егоров придумал еще зимой сорок второго. Придумал, подготовил, осуществил и погиб, прикрывая всех нас и твердо зная, что мы не бросим задуманное им дело».

Мы, разумеется, не бросим, но еще и поможем своей стране, чем сможем, а в первую очередь видоизменим «указ семь-восемь». То есть постановление Совета Народных Комиссаров от седьмого августа тысяча девятьсот тридцать второго года: «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

И ключевая фраза здесь: «Об охране имущества государственных предприятий». Об охране всего государственного имущества от профессионального уголовного мира. То есть от тех людей, которые принципиально не хотели работать во время войны и которых расплодилось во время этой войны слишком много. Мы немножечко изменим существующие сейчас законы в отношении профессиональных преступных элементов, но как говорил все тот же капитан Егоров: «Об этом не сейчас».

Глава 2

Все наступательные операции осени и зимы сорок третьего года прошли без нашего участия. В самые первые дни казалось, что о нас забыли. Нет. Мы работали с прикрепленными к нам людьми из различных наркоматов и конструкторских бюро, ездили по стране, но это была не та работа, к которой мы все готовились и которую с полной отдачей могли делать.

Как это ни странно, но даже в Днепровской наступательной операции никто из нас не участвовал. Мы прекрасно знали и кричали во всю мощь своих легких о том, что воздушно-десантная операция, которую запланировало командование Воронежского фронта на конец сентября сорок третьего года, провалится. Десантники оттянут на себя некоторую часть немецких войск, но в большей своей части бессмысленно погибнут. Мы постоянно говорили об этом, но повернуть неуклюжую советскую бюрократическую машину нам оказалось не по силам.

Нас слушали и не слышали, но, видимо, именно провал Днепровской воздушно-десантной операции сдвинул ту стену непонимания, в которую мы все уперлись. Особенно эта стена непонимания ударила по «Багги». Он изучал эту операцию еще у нас дома и надеялся изменить ее проведение, а главное – результаты этой операции, но все наши усилия оказались тщетны.

Очень сильно ударила по командиру разведгруппы ВДВ гибель сотен так нужных стране десантников. И «Багги» впервые за все это время сорвался. Вернее, сначала вежливо и душевно обложил местного главного пламенного ленинца в три этажа. Нашел отдельные, особо добрые слова орально-матерного характера для направления главного коммуниста по известным и неизвестным всем присутствующим при этом эпохальном событии адресам. Потом, разумеется, нажрался до синих соплей и мрачных воспоминаний, а затем...

В общем, зубы не сильно понятно зачем вернувшемуся замполиту, что неудачно, а главное, совсем не вовремя начал «строить» «Багги», придется вставлять новые. Когда того самого замполита из госпиталя выпишут. Впрочем, и замполита нам почти сразу прислали нового – пока ни разу не покоцанного. Прежнего перевели куда-то дальше. Голову лечить. И все остальное, что так неожиданно повредилось после общения с кулаками и ногами пьяного в полнейшую дымину командира первого учебного батальона только что созданного управления специальных операций при наркомате внутренних дел.

Только тогда я впервые понял капитана Егорова. Его сомнения в целесообразности своего появления в сорок первом году. Егоров сначала заявил о себе в тылу немецких войск, но так, что о нем слышали даже за линией фронта, и только потом отправил нашим такую информацию, к которой невозможно было не прислушаться.

Теперь нам предстояло сделать то же самое – сначала доказать Сталину, что мы хоть что-то собой представляем. Это было сложно, но ничего невозможного мы с Малышевым не видели и поэтому пошли несколько иной дорогой.

Для обеспечения секретности нашего появления мы договорились с руководством страны, и в первую очередь с наркомом внутренних дел, создать на базе Тушинского аэродрома управление специальных операций под руководством полковника НКВД Малышева. Это управление должно было заниматься всем сразу. От внедрения в промышленность наших знаний до десантных и разведывательно-диверсионных операций в глубоком тылу противника.

Для решения всех этих задач необходимо было срочно построить особо охраняемый объект, находящийся недалеко от производственной и конструкторской базы и способный охранять себя сам, без привлечения большого количества сотрудников НКВД. Решение было только одно: на базе управления сделать учебную базу спецподразделений и десантных батальонов, бригад, а впоследствии, по мере обучения людей, полков и дивизий.

Основной упор управления был сделан на операциях по захвату, а если это было невозможно, то по уничтожению секретных заводов и лабораторий гитлеровцев, а для этого срочно были необходимы хорошо обученные подразделения. А где было набрать хорошо обученных людей хотя бы на одну десантную дивизию? В воюющей третий год стране? Правильно. Там, где никому и в голову из всех служащих сейчас не придет искать. На зонах.

Мне могли бы возразить, что всех, кто там сидит, год надо откармливать и еще год учить, но это было не совсем так. Откармливать и учить действительно пришлось. Больше, конечно, откармливать и реабилитировать, а вот насчет «учить» все очень сильно заблуждались. За ноги держать большинство пришлось, чтобы они голыми руками немцев рвать не принялись. Разница между сидеть и медленно сдыхать, ворочая неподъемную работу четырнадцать часов в сутки, и вцепиться врагу в глотку огромна. Этого никто из возражавших нам не учитывал.

Были, конечно же, и сложности, и истерики, и побеги недовольных, но в основной своей массе люди рвались воевать. В то же время мы предлагали им не просто сдохнуть под пулеметами в безнадежных и бессмысленных атаках, а собирались их учить и беречь как зеницу ока – слишком дорого обходилось стране обучение наших подразделений.

К тому же мы предлагали полную реабилитацию бывших заключенных с восстановлением во всех правах. В первую очередь гражданских, и не после войны, а сразу при поступлении в наше управление. Поэтому все здравомыслящие остались, а другие нам были не нужны.

Ко всему прочему нами была придумана градация отсидки своих сроков немецкими военнопленными. За два года войны нагребли уже более миллиона военнопленных, и не использовать столь ценных специалистов было неумно. Так при некоторых заводах появились отдельные общежития для согласившихся работать немцев. Качество их работы было намного выше, чем у заморенных голодом и тяжелым физическим трудом женщин, подростков, инвалидов и стариков.

В первых ракетных центрах, кстати, персонал более чем на треть состоял из квалифицированных немецких рабочих. Правда, о том, что они работают именно в ракетных центрах, они до самого конца войны даже не подозревали – уровень секретности на этих заводах был запредельный.

«Закосить» или налепить брака в таких бригадах никто и не пытался – за брак наказывали всю бригаду, а отлынивавшего от работы просто ставили к стенке и прилюдно расстреливали, заставляя сидевших с тунеядцем немцев закапывать труп упряма сразу после расстрела. Подобный прием поднимал производительность труда у немецких военнопленных на недостижимую прежде высоту.

Альтернатива работе на теплых заводах была более чем прозрачна – четырнадцать часов на лесоповале в районах Крайнего Севера, под присмотром уголовников с пожизненным или увеличенным в три, а то и в четыре раза для особо упертых рецидивистов сроком. Вот как раз для этой категории граждан Советского Союза жестко соблюдался принцип: кто не работает, тот не ест. Поэтому альтернатива у уголовников была тоже прозрачна: либо в вертухаи, либо в отдельные штрафные роты, либо на виселицу – патронов на них было жалко.

Уже через несколько месяцев обновленная нами система уголовных наказаний стала приносить свои плоды, причем такие, что ахнули даже энкавэдэшные скептики. За те же несколько месяцев восстановилась часть бывших заключенных из числа согласившихся воевать в десантных подразделениях нового типа, а «Багги» с «Лето» принялись ездить по фронтам и забирать заключенных из отделов СМЕРШ. Всех, кроме откровенных предателей.

«Багги» с «Лето» к тому времени уже по паре раз сходили в глубокие рейды по тылам противника, поставив всех на своем пути на уши. Группы они набирали, тренировали и экипировали сами. Организовывали высадки тоже сами. И сами командовали своими подразделениями.

По возвращении все вернувшиеся становились командирами и инструкторами вновь создаваемых отдельных десантных рот и батальонов. Для того чтобы воевать так, как мы умеем, нам крайне необходимы были грамотно выученные и максимально экипированные десантные подразделения.

Наш год был сорок четвертый, и готовились мы к нему по максимуму. Прорабатывая десантные операции будущего года, мы учили и учились сами. Ким, «Сава» и «Хаски» работали на подхвате и учили и искали людей. Причем искали из числа новобранцев, партизан и даже дальневосточников и тыловиков, выбирая нужных себе специалистов.

К примеру, в качестве инструкторов для первых разведывательно-диверсионных подразделений чистокровный сибиряк «Хаски» отыскал четыре десятка охотников-промысловиков, но изюминка этого набора была в том, что самому младшему инструктору было шестьдесят семь лет. Сколько эти старики своими уникальными умениями и давно забытыми остальными людьми знаниями жизней спасли, никто из нас никогда даже представить не сможет.

Степаныч с «Мишиками» занимались радиоэлектронной разведкой, радары, десантными судами, судами на воздушной подушке, «Шилками», «Градами», бомбами большой мощности и ракетами. Все эти направления были признаны нами приоритетными – уговаривать немцев необходимо было максимально жестко, но начать решили все же с финнов. А точнее, с их заводов и производств. А если быть совсем точными, с людей, работающих на этих заводах.

Мы с Малышевым запланировали уничтожение всех ключевых производств, работающих на финскую «оборонку», благо всевозможной информации о местонахождении этих заводов у нас было достаточное количество. Для того чтобы вывести из строя Финляндию, а это было первоочередной задачей, необходимо было максимально «закошмарить» все население этой маленькой, но гордой страны, а до этого надо было серьезно подготовиться. Чем мы до сорок четвертого года и занимались.

В первую очередь «кошмарить» пришлось весь мир с немцами во главе, но это делалось скорее в процессе подготовки к наступательным операциям переломного для всей войны года. Обкатку своих авиационных вакуумных бомб повышенной мощности Степаныч проводил по всем фронтам – «светить» новинки масштабно и в одном месте было немного рано.

К сожалению, на тот период максимальная грузоподъемность самолетов авиации дальнего действия была не более пяти тысяч килограммов, поэтому первые прототипы боеприпасов объемного взрыва были значительно меньше весом, чем боеприпасы в нашем времени, но для достижения максимального психологического эффекта этого веса хватило с лихвой.

Только к марту сорок четвертого года удалось договориться с американцами об аренде полутора десятков эскадрилий тяжелых бомбардировщиков дальнего действия «В-17» «Летающая крепость», а несколько позднее «Б-29» – «Суперкрепость» с экипажами для бомбардировок немецких позиций и объектов на территории самой Германии нашими бомбами. Эскадрильи пришлось арендовать со всей аэродромной инфраструктурой и только за сразу выплачиваемое золото, но к тому времени мы это золото стране уже заработали.

Уникальная операция, проведенная «Лето», не имела аналогов ни в нашем мире, ни где-либо еще, а здесь рыдают от восторга все, кто о ней узнает. Впрочем, именно об этой операции благодаря Степанычу и поднятой нами рекламной шумихе знает, наверное, весь мир.

Просматривая залежи исторических фактов, которые накопили компьютерщики «Стерха», Ким обнаружил интересную деталь. Четырнадцатого декабря сорок третьего года в Минске в штабе группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Эрнста Буша состоялся торжественный прием офицеров группы армий с их последующим награждением.

Перелопатив груды косвенной информации, педантист Ким выяснил, что денежное довольствие и очень нехилые денежные премии всем офицерам группы армий «Центр» соби-

рались выдавать через неделю после этого приема, хотя финчасть штаба группы армий получала денежную массу в самом начале месяца.

Дело в том, что денежное довольствие солдат и офицеров Вермахта во время войны выплачивалось за два месяца вперед, а двадцать пятого декабря католики всего мира отмечают Рождество, и немцы в этом не исключение.

Финчасть, занимающая несколько рядом располагающихся зданий с обширными подвалами, должна была распределить денежное довольствие и внеплановое вознаграждение по всем подразделениям группы армий приблизительно за три недели, но отправлять деньги в финчасти различных подразделений планировалось после торжественного награждения командиров этих воинских частей. Это и стало отправной точкой этой действительно уникальной операции.

Четырнадцатого декабря тысяча девятьсот сорок третьего года в пятнадцать часов семнадцать минут в Минск по дороге на Кобрин въехала колонна отдельного подразделения зондеркоманды SS «Группа Кюнсберг»⁸ айнзатцкоманды «Нюрнберг» под командованием оберштурмбаннфюрера СС Альфреда Хальборна, сопровождающая груз чрезвычайной важности. Груз – четыре грузовика с ценностями – необходимо было сдать под расписку в финчасть группы армий «Центр».

Колонна, состоящая из четырех бронетранспортеров «Ганомэг», шести грузовиков «Опель-Блиц» и двух русских броневинов «БА-10», спокойно проехала по всему городу и остановилась у трех двухэтажных домов, которые занимала финчасть группы армий. Произошло это в то самое время, когда военные чиновники уже заканчивали работу, готовясь к наступающему празднику. На банкет пригласили далеко не всех, но, когда руководство отмечает даже мнимые успехи, подчиненные работают крайне редко.

Здания, в которых была размещена финчасть, располагались буквой «П» и имели только один въезд и два входа для сотрудников. Все окна первого этажа были специально замурованы, и комплекс зданий представлял собой небольшую крепость. Начальника финчасти генерал-майора Хельмута Аюнгера уже не было на месте, а вот его заместитель подполковник Георг Рауш был вынужден задержаться – список доставленного груза изумлял своим разнообразием.

Вообще-то доставка ценного груза отдельной зондеркомандой в финчасть группы армий выбивалась из общего порядка сдачи захваченных у противника ценностей. Обычно отдельные зондеркоманды сдавали захваченное ими под расписку в финчасть айнзатцкоманды, но дело было уже к вечеру, и чем-то недовольный командир зондеркоманды объяснил, что финчасть айнзатцкоманды Б уже закрыта, а они должны срочно сдать груз на хранение и отбыть на следующее задание. Документы у оберштурмбаннфюрера были в полном порядке, и подполковник, скрепя сердце, приказал впустить грузовики и бронетранспортеры во внутренний двор финчасти.

В декабре темнеет очень быстро, а русская зима здорово отличается от мягкой зимы родного фатерланда. Может быть, именно поэтому никто так и не обратил внимания на то, что один из грузовиков зондеркоманды свернул к тому самому особняку, в котором собиралась теплая компания генералитета группы армий «Центр».

Грузовик был загружен великолепным французским коньяком и русской водкой еще довоенного разлива, а у сопровождающего столь необычный груз обер-лейтенанта присутствовали все сопроводительные бумаги. Так что грузовик спокойно проехал через тройное кольцо оцепления и остановился на заднем дворе старинной барской усадьбы.

⁸ Зондеркоманда СС министерства иностранных дел Рейха «Группа Кюнсберг» (SS-Sonderkommandos des Auswärtigen Amtes «Gruppe Kunsberg»), получившая такое название по имени командира зондеркоманды фон Кюнсберга, в числе прочих зондеркоманд занималась вывозом в Германию различной документации и ценностей. айнзатцкоманда «Нюрнберг» (Einsatzkommando, ЕК) действовала в районе группы армий «Центр».

Приехавший обер-лейтенант, забрав портфель с бумагами, не спеша вылез из кабины грузовика и направился в соседнее здание. Водитель, заглушив двигатель и помахивая пустым ведром, убрел за водой, да так и не вернулся. Видимо, завис в казарме комендантской роты.

Словом, этих двух персонажей скучающие часовые больше никогда не увидели, а впоследствии так и не вспомнили. Впрочем, и вспоминать в общем-то было некому – единственный оставшийся в живых часовой умер от страшных ожогов чуть более чем через двое суток.

Дело в том, что в двадцать один час десять минут центр Минска был подвергнут сильнейшему авиационному налету, стершему с лица земли особняк, в котором генерал-фельдмаршал Эрнст Буш награждал особо отличившихся офицеров группы армий. По самым скромным подсчетам, погибли более четырехсот генералов и старших офицеров Люфтваффе, Вермахта и Панцерваффе⁹. Самого генерал-фельдмаршала в том хорошо прожаренном фарше, в который превратились высокопоставленные защитники «Великого Рейха», достоверно опознать так и не удалось.

Пострадал практически весь центр города – русские использовали до сих пор не применяемые ими бомбы большой мощности. Видимо, в комплекс зданий финчасти попала одна из таких бомб – здания были не только разрушены почти до основания, но и полностью выгорели.

Конечно! А как бы они не выгорели? Три трехтонных грузовика с напалмом и грузовик со взрывчаткой. Таким количеством «адского огня» при желании ленинградский Эрмитаж можно было бы спалить.

Ничего не подозревающую охрану разведчики спецгруппы НКВД вырезали ножами. Взвод немецких тыловиков и взвод осназовцев НКВД – это два абсолютно несопоставимых подразделения. Два с лишним десятка тыловых офицеров тоже ничем своей погибшей охране помочь не смогли.

Главное было не только взять несколько грузовиков немецких и советских денег. Помимо денежного довольствия солдат, офицеров и генералов группы армий еще с сорок первого года в подвале финчасти хранилось два миллиона девятьсот двадцать семь тысяч рублей, одна тысяча семьсот двадцать девять килограммов золота в изделиях и слитках и двадцать восемь ящиков с музейными экспонатами.

Причем ни про рубли, ни про золото, ни тем более про музейные экспонаты мы ничего не знали. Они пошли приятным, но весьма весомым бонусом, ради которого пришлось захватывать на улицах Минска еще четыре грузовика.

Вроде бы нелогично, что музейные экспонаты лежали в подвале финчасти, но если вспомнить о том, что во время Великой Отечественной войны только в нашей стране немцы ограбили более пятисот музеев, то все становится на свои места. С золотом и советскими деньгами тоже объяснимо – группа армий «Центр» захватила огромное количество сбербанков и государственных учреждений и соответственно бумажных денег и золота.

Кстати, часть советских денег была повреждена или попорчена огнем. Видимо, какое-то банковское хранилище при отступлении наших войск пытались сжечь или эти купюры были вынуты из обращения для последующего уничтожения, но педантичные немецкие тыловики собрали и переписали и эти денежные знаки, составив подробный отчет. Из которого мы и узнали точное количество захваченных нами денег и ценностей.

После переписи и учета золото и музейные экспонаты обычно отправляются в Германию, но не сразу – что-то, бывает, и в воздухе зависает, а то и до трофейных команд не добирается. Высокопоставленные немецкие генералы мало чем отличаются от собственных солдат, но если к рукам солдата прилипают в основном традиционные «сало, яйца и млеко» с самогоном, то господам генералам достается более ценная добыча. Так что, судя по всему, это была обыкно-

⁹ Авиация, пехота и танковые войска.

венная небольшая «заначка» на «черный день» генерал-фельдмаршала или, скорее всего, кого-то из его ближайшего окружения.

Главным было доставить все это великолепие за линию фронта. Для чего мы и придумали этот трюк со специальной зондеркомандой. Просто отдельные карательные батальоны, а уж тем более специальные зондеркоманды вообще никому не подчиняются, кроме своего куратора в айнзатцгруппе, и посылают в заоблачные дали даже генералов Вермахта, отговариваясь секретностью задания. Тем более что специальные зондеркоманды, вывозящие культурные и материальные ценности, подчинены обычно МИДу Германии и одновременно SS, а кураторы командиров зондеркоманд и айнзатцгрупп, как правило, находятся в Берлине и никуда из него не выезжают.

Обычные армейские офицеры при встрече с колонной карателей отворачиваются, а фронтовики брезгливо кривятся. Вот так они и наотворачивались, пока «Лето» со своими головорезами до линии фронта добиралось. В партизанский край разведгруппу осназа НКВД закинули десантными планерами, а с немецкой и нашей техникой помогли партизаны.

С отступления сорок первого года в смоленских лесах оставалось достаточно много армейских «заначек». В той партизанской бригаде даже четыре танка в загашниках завалялось. Впрочем, речь не об этом.

Даже прифронтовые фельдполицай при проверке документов смотрели на солдат зондеркоманды, как кролик на удава. Фельдполицай, правда, недолго – разведотделу фронта образцы документов тоже были нужны. Самих документов привезли просто невероятное количество – одни ведомости денежного довольствия чего стоили. Они отображали всю подноготную группы армий «Центр».

Все части как на ладони оказались: состав, численность, фамилии командиров, вплоть до командиров взводов. Все! Просто все! Никакая разведка такого не дает. Эти ведомости оказались как бы не дороже всех денег вместе взятых.

Ну, а там уж Степаныч впервые за эту войну систему залпового огня под термобарические боеприпасы испытал, и спецгруппа осназа НКВД въехала к нашим окопам прямо по выжженному полю, весело похрустывая хорошо прожаренными костями немецких пехотинцев, оставленных, ко всем прочим неприятностям, этими беспредельщиками еще и без денежного довольствия.

Правда, осназовцев пехотинцы чуть было на штыки не подняли, узрев на ребятах так «любимую» всеми фронтовиками форму карателей, но непонятку быстро разрулили. Во всех передовых частях наших ребят ждали специально накрученные особисты.

В этой операции все было уникальным. Это было первое использование сделанных нами немецких документов, ничем не отличимых от настоящих.

Первое использование наводимой по радиолучу авиационной бомбы объемного взрыва повышенной мощности, созданной Степанычем и «Мишиками».

Первый высокопоставленный немецкий генерал, накрывшийся с нашей помощью медным тазом вместе со всем своим штабом и большинством командиров его подразделений и позволивший нашим войскам прорвать фронт значительно раньше сорок четвертого года. Пока только локально, но тем не менее.

Первое использование «термобарических боеприпасов» для РСЗО, с которыми Степаныч носился даже больше, чем со своими любимыми бомбами и ракетами. Правда, пока еще не в системах залпового огня «Ураган» и «Смерч», а почти что «на коленке» – с запуском с обычных грузовиков с ручным наведением на цель.

Конечно, этому творению до огнеметной системы под веселеньким названием «Бура-тино» как до Пекина крабом, но немецкие, да и, чего уж греха таить, наши пехотинцы впечатлились по самое не могу. Они и к «Катюшам»-то еще не все привыкли, а тут такой ужас нарисовался, что только держись за внезапно наполнившиеся форменные штаны. Наши пехо-

тинцы имеются в виду – немецкие не успевают привыкнуть, так как целыми подразделениями большой емкостью из цветного металла накрываются.

И наконец, это было первое выступление Степаныча перед всей страной и миром по радио.

Вообще-то, запуская проект рекламирования Степанычем наших достижений и попутного «слива» самой разнообразной дезинформации, мы даже не представляли, что выпускаем в этот мир. Степаныч, как паинька, как лапушка, как милый дедушка, елеинным голосом прочитал две строчки отредактированного политработниками текста, а затем отшвырнул его в сторону и заговорил своими совершенно неинтеллигентными словами.

Моментально сменив интонации голоса на жесткую иронию и приправляя ее привычным для себя командирским сленгом, этот бешеный изобретатель рассказал всей стране о «гоп-стопе», который мастерски провел «Лето» со своей беспредельной бригадой отморожков-осназовцев и натянутой ими во все мыслимые и немыслимые отверствия Германией. В основном, конечно же, в немыслимые. Причем слегка перефразировал общий смысл всей информации, объявив Германию женщиной, а Советский Союз соответственно мужчиной со всеми вытекающими отсюда физиологическими подробностями.

Кроме опущенной ниже плинтуса Германии, досталось от него Австрии, Италии, Румынии, Венгрии, Болгарии и Испании с теми же физиологическими подробностями и шутивым объяснением показательной порки взбесившегося гарема. Такое представление разыграл, что никто из нас так и не понял, как он всю последовательность действий запомнил.

Под занавес своего сольного выступления Степаныч на всю страну заявил, что осназовцы провели не уникальную военную операцию, а взяли на «гоп-стоп» штаб немецкой группировки, завалив в процессе грабежа местного пахана со всей его уголовной кодлой. То есть именно ограбили всю группировку армий «Центр», уничтожив весь штаб этой группировки.

Немцы о данном факте даже не подозревали – до той поры немецкое командование считало, что финчасть сгорела со всем своим содержимым. Просто вся документация была вывезена ребятами «Лето», начальник финчасти накрылся на тусовке генералитета, большинство его подчиненных вырезали при захвате, а закопченные развалины зданий финчасти разбирать было просто бессмысленно.

Кто-нибудь действие девяти тонн напалма в жилом доме себе представляет? В этих развалинах даже камни сплавилсь. При этом раздухарившийся Степаныч подробно объяснил слушателям основную цель этой действительно уникальной операции.

Дело в том, что мы своим появлением придержали Оршанскую наступательную операцию, которую проводил Западный фронт в период с двенадцатого октября сорок третьего года. В нашем мире эта операция закончилась крайне неудачно. Наши войска потеряли почти двадцать пять тысяч убитыми и почти восемьдесят ранеными, но не достигли целей, поставленных Ставкой Верховного главнокомандующего перед командованием Западного фронта.

Здесь мы немного изменили не только сам характер этой наступательной операции, но и более чем на два месяца сместили время ее проведения. Войска наступали, сидя в своих окопах. Проводились разведки боем, изо дня в день батальоны поднимались в имитационные атаки, за линией фронта партизаны разведывали тылы гитлеровских войск, работали разведчики, в том числе и разведывательно-диверсионные группы нашего управления.

Каждый божий день, за редкими исключениями, наши войска изображали наступление, не позволяя немцам перекидывать резервы из Белоруссии на Украину, где наши войска вели наступательные операции за Днепр, но происходило это ровно до того самого времени, пока в Минске не накрылся весь генералитет группы армий «Центр».

В ту же ночь по всем разведанным позициям немецких войск, штабам, аэродромам и складам боеприпасов и горюче-смазочных материалов авиация и артиллерия Западного и Первого Прибалтийского фронтов вывалила все свои накопленные за два месяца бомбы и снаряды.

В ходе стремительного наступления на деморализованные гибелью собственных командиров немецкие подразделения были освобождены десятки населенных пунктов, среди которых особенно ценными оказались Орша, Витебск и мизерный городок с забавным названием Городок. Кстати, при взятии Витебска впервые отметился «Багги», наконец-то выпестовавший свою первую десантную бригаду.

Накопленные за месяцы вялого позиционного наступления людские резервы и боеприпасы выплеснулись в единый прорыв многоэшелонированной обороны противника. При этом немцы не перекинули на Украину ни одного солдата и потеряли не только все командование группы армий «Центр», но и почти в полном составе похоронили 260-ю, 267-ю и 268-ю пехотные дивизии двенадцатого армейского корпуса Вермахта.

Пятьдесят шестой моторизованный корпус в безвозвратные потери записал более половины личного состава, а девятнадцатая танковая дивизия оставила в белорусских лесах всю свою технику. Потери гитлеровских войск за столь короткое время были катастрофическими, но немцы быстро пришли в себя, и наше наступление захлебнулось.

Продолжением этой операции стала Гомельско-Речицкая наступательная операция Белорусского фронта, которая тоже прошла для наших войск значительно удачнее – был взят Гомель и ликвидирован Гомельский выступ.

Главным во всех этих операциях было то, что и Белорусский, и Западный, и Первый Прибалтийский фронты не потеряли такого огромного количества бойцов и не только выполнили свои задачи, поставленные перед ними Ставкой Верховного главнокомандующего, но и сохранили свои войска для выполнения следующих уже летних наступлений. Боеприпасов, правда, все три фронта потратили немерено, но, главное, людей не потеряли и немцев похоронили приличное количество.

Помня о том, что радиопередачи слушают не только школьные учителя и профессора академии изобразительных искусств, но и простые рабочие и даже блатные и прибалтненные шкеты, для лучшей усваиваемости информации Степаныч озвучил оба варианта изложения беспрецедентного подвига осназовцев НКВД. Сначала, понятно, официальный, а уж затем для простого народа с использованием классических идиоматических оборотов, командирского сленга и чисто народных выражений, очень часто мало отличающихся от вышеупомянутого сленга.

Сказать, что в студии и во всей стране смеялись, это не сказать практически ничего. По рассказу «Лето», куратор Степаныча из ведомства Лаврентия Павловича Берии от смеха вообще завалился грудью на заваленный бумагами стол редактора радиоцентра и в истерике колотил по нему своими немаленькими кулаками.

«Лето» и Степаныч мгновенно стали жутко популярными. К тому же этот доморощенный юморист на вопрос, заданный ему, почему командира беспредельщиков, ограбивших немецкую армию, зовут «Лето», ответил: «А у нас всегда лето. Даже в полярную зиму у советских людей лето, если это для Германии тяжелая зима».

Вот такое вот хреновое для немецкой группы армий «Центр» лето. И вообще это «Лето» пока еще майор, а будет он повыше званием, и для всей Германии хреновое лето наступит. А если кому хоть что-то не нравится, пишите письма: Москва. Управление специальных операций. Степанычу и «Лето».

Это не шутка. Пишите по любому поводу. Разберемся, а чем сможем, поможем». И письма стали приходиться в наше управление мешками. С просьбами, пожеланиями, жалобами. Информация ведь быстро разбегается. О том, что письма надо писать по адресу «Москва. УСО. Степанычу, не один Степаныч по радио рассказал. Мы тоже рта не закрывали в своих командировках по стране.

Сначала разбором писем занимались те, кого мы освободили из лагерей, затем, по мере убывания последних на фронт, безногие инвалиды и родственники реабилитированных

посмертно. Это была целая индустрия по реабилитации и адаптации в общество огромного количества крайне необходимых стране людей, а процесс, запущенный Степанычем, только набирал обороты.

Именно на опыте работы этого отдела и наработанных этим отделом знаний, умений и навыков в конце сорок четвертого года был создан отдел Партийного Контроля управления специальных операций, ставящий в четырехточечную коленопреклоненную позу в основном зажавшихся работников торговли, опухших от своей мнимой значимости партийных чиновников и оборзевших до последней крайности сотрудников НКВД.

Рейхсмарки третьего и, как показала дальнейшая история, последнего рейха, захваченные группой «Лето», были переправлены в партизанские отряды, в Швецию, Швейцарию и во все оккупированные гитлеровцами страны и пошли в дело. Золото и советские рубли тоже нашей странегодились.

Все были довольны. Кроме Гитлера с Геббельсом. Последний привычно и истерически громко орал со своей кочки, что все это пропаганда русских, пока Степаныч не скинул на Берлин сначала свой первый прототип планирующей бомбы, а затем и крылатой ракеты, соответственно прокомментировав очередное эпохальное событие.

Этот доморощенный юморист сам с летчиками в Германию летал. Его от самолетов за уши оттащить было невозможно. Слетал, сочинил новый текст, в очередной раз согласовал написанное с компетентными товарищами, выкинул его перед микрофоном и поднял настроение всей стране на целую неделю, рассказав, как красиво у Рейхстага в подвал ссыпался позвончик. Разумеется, с такой высоты Степаныч видеть этого не мог – пока бомба долетела до земли, самолет улетел ух знает куда, но разницы реально никакой. К тому времени немцы об этом уже всему миру доложили.

Мир два дня неверяще молчал, и Степаныч отправил в Берлин четыре летающие зажигалки. Невозможно иначе назвать четыре четырехмоторных тяжелых бомбардировщика «Пе-8», полностью загруженных емкостями с напалмом и высыпавших свой страшный груз прямо на город – на кого Степаныч пошлет.

Восемнадцать тонн напалма в специально изготовленных для этого налета пятилитровых бочонках, сброшенных ковром на центр города, это жутко эффектная и максимально эффективная пощечина. Из-за высоты сброса «подарков» разброс был страшный, и столицу «Великого и неповторимого Рейха» от одного-единственного налета охватили сотни пожаров. После этого эпохального для всей Германии налета к воплям Геббельса присоединился и Гитлер, объявивший Степаныча и всех, кто бомбил Берлин, своими личными врагами.

Это бесноватый шизофреник сделал зря. Это он не тем местом подумал. Только хуже себе сделал. Промолчать было бы умнее. Война ведь никуда не делась, а Степаныч тот еще затейник – выданные им во время очередного выступления перлы уже в который раз подняли настроение всей стране. И надо сказать, что к тому времени уже и некоторой части мира – выступления Степаныча периодически передавали по «Совинформбюро».

Летчики авиации дальнего действия-то как порадовались! Они и так вниманием обделены не были, а здесь их сам Гитлер отметил, а Степаныч по радио похвалил. С подробными пояснениями того самого адреса, куда послали бесноватого ефрейтора летчики авиации дальнего действия. Говорят, что, когда Степаныч по каким-то своим делам приехал в ту дивизию АДД, его, качая, чуть было на низкую орбиту в космос не запустили – так летчикам понравился вольный пересказ Степанычем их пожеланий Гитлеру и всей его брехливой своре.

* * *

После снесенных в Берлине зданий Рейхстага, Центрального управления Имперской Безопасности и комплекса зданий генерального штаба сухопутных войск Вермахта Степаныч

переключился на остров Рюген и ракетный центр Пенемюнде и немного увлекся. Настолько увлекся, что... Впрочем, об этом несколько подробнее.

Именно с этой операции начинались наши дружески-союзнические отношения с Великобританией. (Насколько это возможно, конечно же.) Английская разведка получила сведения о ракетном центре Пенемюнде в начале лета сорок третьего года от поляков, работающих на заводе по производству ракет ФАУ и сидевших в местном концлагере.

Англичане излишне возбудились и в середине августа, собрав почти шестьсот самолетов «Ланкастер» и «Голифакс», нанесли штандартенфюреру СС Вернеру фон Брауну со товарищи неожиданный визит в лучших своих традициях. То есть ночью и по площадям. В смысле, на кого бог пошлет.

Досталось и полигону, и подземному заводу по производству ракет, и жилому городку при нем, и концлагерю, находящемуся рядом с полигоном. В концлагере погибло более двухсот человек, и в их числе те самые поляки, что отправили англичанам планы ракетного центра.

Немцы потеряли более семисот человек. Среди них каким-то чудом затесался главный конструктор ракетных двигателей доктор Вальтер Тиль. Видимо, оказался не в том месте не в то время.

У англичан не вернулись на свои аэродромы около пятидесяти четырехмоторных бомбардировщиков, а немцы на полгода задержали выпуск ракеты ФАУ-2. Ну и в качестве вишенки в этом кровавом торте – застрелился заместитель командующего Люфтваффе генерал-полковник Ганс Ешонек, отвечавший за систему ПВО этого района. Видимо, генерал от авиации разумно посчитал, что моментальная встреча со Всевышним значительно лучше, чем та же встреча, но с посредничеством умельцев из гестапо.

Все изменилось с нашим появлением. Основной нашей задачей было вдолбить ракетный центр Брауна и вообще всю ракетную программу гитлеровцев в каменный век. Ну или, по крайней мере, сильно притормозить запуск ФАУ-2, а необходимого количества дальних бомбардировщиков в Советском Союзе не существовало. Да и жалко было своих летчиков и самолеты.

В то же время англичане здорово преуспели в развитии дальней бомбардировочной авиации, а расстояние от их аэродромов до острова Рюген было значительно меньшим. Так зачем нам напрягаться, если ракетный центр Брауна можно (и нужно) стереть в пыль чужими руками? То есть с помощью английской авиации. Да еще и поиметь с благодарного английского народа некоторое количество так необходимых нашей стране бонусов.

Вот мы и «слили» представителям английского посольства всю информацию по ракетному центру Пенемюнде (из того, что они не знали) и по некоторым стартовым площадкам ракет ФАУ-1 во Франции. (На первых порах для затравки далеко не по всем.) Сдали всю структуру центра: жилой городок, склады, подземные лаборатории и сеть дорог, связывающих различные объекты на всем острове. Разумеется, без персоналий самих разработчиков.

Потом пошла информация по заводам по производству ракет ФАУ во Франции и некоторые технические новинки, которые англичане могли сразу внедрить в свое производство. (В том числе и те, которые они сами изобретут в начале пятидесятых годов.)

Взамен нам были нужны десантные суда и десантные планеры – англичане были сильны в их постройке и к сорок четвертому году налепили достаточное количество десантной техники, чтобы поделиться с нами. Ну и пробили для своих десантных операций стрелковое оружие с боеприпасами, десантную экипировку и тому подобные мелочи.

Кстати говоря, от танков под названием «Валентайн» советское правительство с нашей подачи отказалось, хотя с сорок второго года поставки оружия в СССР из Великобритании осуществлялись бесплатно. Вместо танков к нам пошли те самые десантные планеры. Тем более что отправляли их в разобранном состоянии.

Только не надо думать, что Советскому Союзу все доставалось на халяву – до сорок второго года в Великобританию было отправлено пятьдесят пять тонн золота. Поставки оружия

шли бесплатно, а к примеру, за тот же авиационный бензин Советский Союз платил золотом. (Но это так – мысли вслух.)

Надо сказать, что первый массированный налет на ракетный центр советская авиация провела совместно с английской. В принципе, если бы по острову долбили обычными бомбами, то подземным лабораториям ничего бы не было, но злобный Степаныч сначала ввалил по городу и его окрестностям, перебив просто немереное количество мирного, околмирного и совсем не мирного народа.

Под шумок Совинформбюро объявило об очередном удачном ракетном обстреле. Мир поверил. А куда ему было деваться? Результат был, так сказать, налицо. Англичане потом сами подтвердили.

Сыпали самолеты авиации дальнего действия не только вакуумные и кассетные гостинцы, но и для улучшения ландшафта отшлифовывали его напалмом. Так сказать, подсветили советские самолеты англичанам конкретные точки, по которым надо вывалить весь остальной осколочно-фугасный груз. Англичане, разумеется, не подкачали и немного увлеклись.

Ну как немного? Через три дня немцы скорбно объявили о гибели главного ракетного специалиста Германии. Не станет в этом мире штурмбаннфюрер СС Вернер фон Браун в сорок пятом году американским гражданином и начальником секретной лаборатории в Пентагоне, и, надеюсь, баллистические ракеты ФАУ-2 теперь немцы по Лондону запустят намного позже. Им сначала ракетный центр восстановить придется да пепел Брауна, развеянный по острову Рюген, в кучку собрать.

Долго Степаныч над внезапной гибелью главного ракетного специалиста «Великого Рейха» изгалялся. Ну, и доизгалялся до личного врага вечно обдолбанного первитином¹⁰ ефрейтора, на пару с «Лето». Это его основным специалистом по безумным десантам назначили. Все равно к тому времени он уже засветился по полной программе.

Каждый налет англичане максимально широко рекламировали по радио (по нашему совету) и через раз засыпали листовками мирные города Германии: реклама – движитель прогресса. А что? Англичане ребята богатые, для них такие траты – копейки, да и простым немецким обывателям не было скучно.

В свою очередь, Степаныч на всю Европу и Америку устроил сольный концерт оригинального разговорного жанра (кстати говоря, на вполне приличном английском языке): «Ракетный центр Брауна? Талантливый был мужик! Жаль, не знаем, в каком кратере его пепел – цветы возложили бы. Своих астронавтов на Луну можете не посылать, смотрите на остров Рюген, сфотографируйте лунную поверхность. Так и быть, разрешаем разок над островом пролететь, а то пешком слишком долго получится. Только аккуратно, в обозначенное время и по-быстрому, а то у нас с англичанами там еще стрельбы намечаются.

Видуха прямо один в один с Луной. Вот так же и Финляндия будет выглядеть, если что, а можем промахнуться и по Швейцарии зарядить с Люксембургом. Ракеты – такая штука несовершенная, а посоветоваться уже не с кем. Штурмбаннфюрер СС Вернер Магнус Максимилиан фон Браун господину богу рассказывает, как он умудрялся так точно ракеты ФАУ по Лондону запускать.

Что значит, кто это такой? Разработчик первой межконтинентальной баллистической ракеты ФАУ-2... был. Где теперь его искать, на небе или в преисподней, вопрос не к нам. В небесную канцелярию обратитесь».

Словом, в процессе этого очередного словоблудия Степаныч не только слил внеочередную дезинформацию, но и уже в который раз народ повеселил. До такой степени повеселил, что был персонально вызван к Сталину на легкую выволочку с пожеланием сбавить матерные

¹⁰ Первитин – стимулирующее средство, разработанное в 30-е годы германскими фармацевтами.

обороты во время общения с народом. Правда, с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Степаных, конечно же, пообещал, но к тому времени его истории и анекдоты нашего времени шли настолько «на ура», что запретить их и не пробовали, а немцы всерьез начали искать нашего разведчика под фамилией фон Штирлиц. Иначе объяснить перед Гитлером утечку стратегической информации было просто невозможно.

* * *

Моя личная война началась с вразумления Финляндии – до этого меня за линию фронта не отпускали. Впрочем, работы у меня было и так по гланды, но на финнах я уперся, да и то только потому, что знал финскую столицу как свои пять пальцев. Я же в Ленинграде вырос, а в самом начале горбачевского предательства, которое во всем мире «перестройкой» называли, у меня дед в Хельсинки уехал – преподавать в местном университете. Вот и бывал я у него почти все свои отпуска.

Моей жене, я тогда еще был женат, в финской столице очень понравилось. Понравилось до такой степени, что однажды она собрала все свои вещички и, показав мне не совсем приличный жест, перебралась в сопредельную страну.

Разводились мы через присланного моей супругой адвоката. Огромное ей за это спасибо. К тому времени я уже в достаточной мере освоил финский язык, чтобы перевести адрес, куда меня послала моя бывшая благоверная в своем прощальном послании, но языки мне всегда давались легко – это у нас наследственное. Тот же дед знал шесть иностранных языков, отец – восемь, ну а я, если на круг посчитать, только семь пока освоил, если спешно изучаемый сейчас немецкий не считать.

К работе в Финляндии я готовился серьезно, но неожиданно операцию свернули без объяснения причин, и я опять остался не у дел.

Да нет. Самой разнообразной работы было навалом. Обучение, организационные вопросы, проработки будущих десантов, подготовка и сопровождение групп, уходящих на задания, большей частью висели на мне, но я чувствовал, что на этой работе долго не протяну.

Пятого января сорок четвертого года Степаных обидел в Берлине Рейхстаг. Восьмого слегка подогрел столицу «Великого Рейха» напалмом. В ночь на двенадцатое ракетный центр Брауна авиация дальнего действия совместно с королевскими ВВС Великобритании принялась превращать в мелкое ничего, а я так и сидел в стороне от всех этих событий, вынашивая очередные планы на личном ноутбуке.

Свою команду я начал собирать еще в сентябре, когда мы только начинали ездить по различным областям (и лагерям). Разумеется, в первую очередь я делал упор на физически развитых мужчин, способных вынести все тяготы фронтовых, а в основном зафронтовых будней десантника, но искал и самородков.

В общей массе призывников мы с моими современниками искали людей с уникальными знаниями и умениями: уникалов, энциклопедически образованных людей, теми или иными способами оказавшихся за решеткой, в ссылке или в эвакуации. И находили их сначала единицами, потом десятками, а затем и сотнями.

Так в поле моего зрения оказались несколько бывших дипломатов, залетевших в тридцать шестом году в ссылку с поражением в правах исключительно за компанию со своими руководителями. Девять сотрудников Артура Христиановича¹¹ с дикими, просто нелепыми обвинениями доживали свой век в колонии-поселении в Архангельской области.

¹¹ Артур Христианович Артузов – один из основателей советской разведки и контрразведки. Расстрелян в 1937 году. Реабилитирован посмертно.

Старики, а это были люди в уже приличном возрасте, не сидели вместе, но, найдя одного из них, я поднял дело, по которому они были осуждены, раскрутил всю цепочку и вытащил из заключения двадцать восемь человек – девять старых разведчиков и девятнадцать членов их семей, включая двоих детей.

Уникальность этих людей заключалась в том, что каждый из них знал по несколько европейских языков и был кладезем бесценной для нас бытовой и социальной зарубежной информации. Той самой информации, которая была остро необходима разведывательно-диверсионным группам нашего управления.

К тому времени к каждому из нас были прикреплены люди из ведомства Лаврентия Павловича, и сложностей с временным освобождением людей не было. Сначала мы переводили бывших заключенных под крыло Малышева, а затем начинали с ними работать, но в основном, конечно, сначала лечили и откармливали в своем госпитале.

Под госпиталь нам была отдана одна из школ недалеко от управления, но достаточно быстро мы построили свое здание. Понятно, что не мы сами, а пленные немецкие солдаты – совсем рядом с нашим управлением в подмосковном Красногорске располагался крупный лагерь военнопленных, заключенные которого работали на всех стройках, находящихся в этом районе. Со временем мы из этих военнопленных организовали несколько строительных бригад, работающих только на объектах повышенной сложности и ответственности. Охраняли их будущие бойцы наших подразделений, проходящие реабилитацию в управлении.

Выгода получалась двойная – квалифицированные немецкие рабочие не просиживали свой срок на неквалифицированных работах и при этом обучали наших бойцов немецкому языку. К каждой такой бригаде в качестве переводчика был прикреплен человек, хорошо знающий немецкий язык, из числа тех, кого мы нашли в местах заключения.

Немцам работа на квалифицированных работах была крайне выгодна. Мы предложили срок работ по восстановлению нашей страны в восемнадцать лет после ее окончания, но на квалифицированных работах срок сокращался в два раза. Поэтому желающих попасть в рабочие и специализированные бригады было более чем достаточно.

Военным преступникам, предателям и пособникам оккупантов отмерялся пожизненный срок на предприятиях повышенной опасности и в районах Крайнего Севера. Без права на помилование. Так что немцам было с чем сравнивать.

Технический отдел нашего управления я принялся комплектовать специалистами еще в конце августа, а начал с Михаила Владимировича Марголина¹² и Владимира Григорьевича Федорова¹³. Мне нужна была технологичная и точная снайперская винтовка, опережающая свое время, и создать ее мне могли только эти два оружейных специалиста.

Основную идею я украл у «Егеря», ставшего в этом мире легендарным «Командиром». Уникальные мастера «Егеря» умудрились сделать бесшумную автоматическую снайперскую винтовку из «сырой» самозарядной винтовки Токарева, но у «Егеря» было очень много времени и уникальные специалисты, которых его ребята чудом спасли весной сорок второго года.

В то же время у меня были ресурсы и производственные мощности огромной страны и крайне мало времени. Винтовки «СВТ» и «АВС» были хороши, но технологически сложны в производстве и ненадежны в эксплуатации. Мне же было необходимо оружие простое в производстве и легкое и точное в работе.

С самого нашего появления Токарев пытается заниматься повторением «СВД» и «Винтореза», и дергать его на решение моих задач никто бы мне не позволил. Заняты образцами новых вооружений были все ведущие стрелковые специалисты страны – Дегтярев, Симонов,

¹² Михаил Владимирович Марголин – уникальный слепой оружейник. Создатель нескольких малокалиберных и тренировочных оружейных систем.

¹³ Владимир Григорьевич Федоров – русский конструктор оружия, генерал-лейтенант инженерно-технической службы, профессор, доктор технических наук.

Шпагин. В то же время оружейник, опередивший свое время, и уникальный слепой оружейный специалист с нашим появлением оказались не у дел, и я этим воспользовался.

Мне была нужна японская винтовка «Арисака» «Тип 38» под оригинальный патрон 6,5×50 мм, но с отъемным магазином минимум на десять патронов и съёмным и разборным глушителем, и сделать мне ее в самое короткое время мог только Федоров, разработавший в девятьсот шестнадцатом году пистолет-пулемет под патрон калибра 6,5-мм для винтовки «Арисака».

В тринадцатом году тот же Федоров сконструировал автоматическую винтовку под патрон калибра 6,5-мм собственной конструкции. То есть именно эту винтовку он знал как облупленную, а вооруженный новыми знаниями мог достаточно быстро переделать ее под новые условия боевого применения.

Получалось так, что мы могли быстро заполнить технологический провал в оружии до появления промежуточного патрона под автоматическое оружие. Мне было необходимо, чтобы великий русский оружейник сделал нам винтовку для тихих ликвидаций и вооружил ею снайперов только начинающего свой нелегкий боевой путь спецназа.

Почему я остановился на японской винтовке, сконструированной в начале двадцатого века? Дело в том, что винтовки «Арисака» массово поставлялись в русскую императорскую армию в начале Первой мировой войны и на складах Сестрорецкого оружейного завода, а впоследствии и ленинградского гарнизона, но в основном на оружейных складах в Кронштадте винтовок «Арисака» и боеприпасов к ним скопилось огромное количество. Они так и лежали, ожидая своего часа до двадцать первого века, так как после войны появилось другое стрелковое оружие, и эти запасы просто задвинули на склады длительного хранения.

К тому же... Мы же не воевали с Японией. Почему бы нам в Японии парочку тысяч винтовок с боеприпасами не закупить? Вот японцы удивятся-то!

Я выбрал винтовку «Арисака» по нескольким причинам. Во-первых, это существенное количество уже существующих винтовок и боеприпасов к ним. Во-вторых, технологичность в переделке и ремонте. В-третьих, наличие оружейника, знающего и уже переделывавшего эту винтовку.

Патрон винтовки «Арисака» достаточно мощный, с хорошим пробивным и убийным действием пули. Сами используемые патроны имеют значительно меньший вес, чем боеприпасы других систем, что позволяет несколько увеличить носимый боезапас. Что для снайпера мобильной боевой группы немаловажное обстоятельство.

При этом снайперу достаточно трех-четырех сотен патронов на рейд, а при необходимости или поломке винтовку, сняв с нее прицел и глушитель, можно просто выкинуть. Использовать ее немцы не смогут – нестандарт, а вот на японцев бочку покатыть могут. Винтовка-то японская.

Кроме того, патрон 6,5 на 50 мм «Арисака» имеет меньший импульс отдачи, что повышает меткость стрельбы. Расположение рукоятки на задней части затвора позволяет перезаряжать винтовку, не отпуская ее от плеча и не теряя из виду цель.

Помимо этого винтовка «Арисака» имела то, чего не было больше ни у одной винтовки мира, – крышку ствольной коробки, которая открывала ее одновременно с движением затвора. То есть в механизм винтовки не могли попасть ни грязь, ни песок, что достаточно существенно для условий, для которых ее создавали.

Винтовка, несмотря на меньший, чем у других винтовок мира, калибр, получилась достаточно мощной. Более того, по опыту применения в различных условиях был сделан вывод, что ее пули обладают хорошим пробивным и убийным действием. Благодаря меньшему весу патронов японский солдат мог взять их больше, чем солдаты других армий. И это несмотря на то, что вес японского солдата составлял всего сорок восемь – пятьдесят килограммов. То есть в начале двадцатого века японские солдаты были дистрофиками почти поголовно.

А теперь добавим к вышеперечисленному глушитель, отъемный магазин на десять-пятнадцать патронов и автоматику Федорова – и получим легкую винтовку для снайперов разведывательно-диверсионных подразделений, которую не надо создавать с нуля. И, главное, нет необходимости в строительстве крупного завода с полным технологическим циклом. Вполне достаточно небольшого цеха для переделки уже существующего оружия.

Конечно же, я многого не учел в своих желаниях и мечтах, но Владимир Григорьевич, загоревшись этой идеей, сделал все от себя зависящее, чтобы воплотить мою мечту в жизнь. С сорок второго года Федоров работал в комиссии по рассмотрению новых образцов стрелкового вооружения, но с нашим появлением оказался не у дел. Так что перетащить его к себе я смог достаточно быстро.

Равно как и Марголина, которого я загрузил мелкокалиберным пистолетом его имени, пистолетом калибра 6,5 под ствол винтовки «Арисака» и бесшумным патроном, как на американских «туннельных» револьверах¹⁴.

Пусть работает. И для дела полезно, и ему не скучно, и у снайперов групп будет пистолет единого с основным оружием калибра. А если Марголин еще и бесшумный боеприпас повторит, хотя бы и в штучном исполнении, то я ему лично Сталинскую премию выбью.

¹⁴ Американский гладкоствольный бесшумный револьвер, разработанный в годы войны во Вьетнаме под специальный патрон замкнутого типа.

Глава 3

Двенадцатого января сорок четвертого года окончательно разблокировали Ленинград. Это удалось сделать на семнадцать дней раньше прежнего срока благодаря неутомимым «Датви» и «Хаски» с «Савой», практически не вылезавшими с Ленинградского фронта и организовавшими подробную разведку всех подразделений гитлеровских войск и корректировку артиллерийских и бомбовых ударов по позициям противника.

Операция по разблокированию Ленинграда была проработана нами еще в нашем мире. Мы сделали бы это и раньше, но нужного количества необходимых нам боеприпасов просто не было в наличии, а запланировали мы не только взломать оборону немцев, но и полностью уничтожить передовые части немецких войск. Благо всю необходимую информацию по дислокации этих подразделений мы притащили с собой.

Потери наших войск были сведены к минимуму, а вот немцам повезло значительно меньше – стирали их с лица нашей земли, в том числе и вновь произведенными боеприпасами. Вакуумные и кассетные бомбы и термобарические боеприпасы для РСЗО копились на складах несколько месяцев, и обрабатывали немцев этими боеприпасами в течение восьми суток настолько плотно и точно, что сопротивляться немцы чисто физически не могли. Было просто некому.

Выживших в этом огненном аду можно было пересчитать по пальцам. Для чего «Датви» на фронт-то и отпросился – для проверки и контроля использования новых боеприпасов. Иначе поездка на фронт ему бы точно не светила.

Запланировано нами было ни много ни мало, а полное уничтожение группировки немецких войск на Шлиссельбургско-Синявинском выступе. Там между городом Мга и Ладожским озером располагались пять немецких пехотных дивизий общей численностью более восьмидесяти тысяч человек¹⁵.

По большому счету, оборонительные линии немцев представляли собой один общий укрепленный район, прикрытый болотами, торфоразработками, минными полями и проволочными заграждениями. Все города и поселки на этом выступе были превращены немцами в долговременные опорные пункты, подготовленные к круговой обороне.

Город Шлиссельбург, Липка, Рабочие поселки, Гонтовая Липка, Подгорная, Синявино, поселок Михайловский – это названия, известные каждому ленинградцу, что в нашем мире, что сейчас. Людской крови там было пролито немерено что в сорок первом, что в сорок втором, что в сорок третьем годах. А уж при снятии блокады каждый метр этого гигантского укрепрайона в нашем мире был залит бесценной кровью наших пехотинцев. Здесь мы все решили сделать иначе.

На самом деле те воздушные и десантные операции, которые проводили в Германии наше управление специальных операций, Степаныч, «Багги» и командование авиации дальнего действия, были операциями отвлечения, хотя общественный резонанс эти налеты вызвали нешуточный. Основной стратегической операцией начала зимы сорок четвертого года было полное уничтожение основных сил двадцать шестого и части дивизий пятьдесят четвертого немецких армейских корпусов.

Вся территория гитлеровского укрепрайона представляла собой местность абсолютно непроходимую для танков и тяжелой артиллерийской техники, необходимых для взламывания долговременных укреплений противника. Вот тут-то и пригодились мы с нашими знаниями.

Мы привезли с собой точные карты расположения немецких войск на данный период времени, подробное расположение огневых точек, дотов, дзотов и эскарпов. В музеях и архивах

¹⁵ Численный состав пехотной дивизии Вермахта составлял 16 859 человек.

министерства обороны были отсканированы все карты боевых действий, отчего разведотделы и штабы наших наступающих дивизий четко знали, где и как располагаются немцы в каждом населенном пункте.

Первый удар в ночь с пятого на шестое января был нанесен по узловым железнодорожным станциям – Мга и Тосно. В ту же ночь все железнодорожные линии в немецком тылу были заминированы разведывательно-диверсионными группами нашего управления.

Одновременно все известные благодаря нашим сведениям аэродромы противника авиация дальнего действия и фронтовая авиация принялись превращать в нелетающий хлам вакуумными и термобарическими боеприпасами. И в эту же ночь по немецким позициям принялись высыпать свой напалмовый груз ночные бомбардировщики «У-2» и «Р-5».

Казалось бы, что может легкая фанерно-полотняная этажерка? Грузоподъемность всего четыреста килограммов, пятьсот с перегрузом. Но от трех до пяти боевых вылетов за ночь! Легкие самолеты располагались в полковых тылах, взлетая с профилированных металлических полос, уложенных чуть ли не в боевых порядках пехоты, а крики сгорающих заживо немецких солдат доносились даже до наших траншей.

Утром пехота делала короткий рывок, и, если живые немцы еще оставались на позициях, в дело вступали штурмовики, полковая артиллерия и установки залпового огня с термобарическими боеприпасами. Нам пришлось сделать некий гибрид буксируемого немецкого химического миномета образца сорок первого года¹⁶ под направляющие нашей реактивной системы залпового огня. В некоторых случаях направляющие самих установок делались одноразовыми, переносились на руках и устанавливались прямо в наших траншеях.

По некоторым узлам обороны наносились дополнительные удары боеприпасами объемного взрыва. И так восемь суток подряд.

В нашем мире наступающие части Волховского и Ленинградского фронтов поддерживали четыреста самолетов. Здесь же авиационная группировка составила тысяча триста пятьдесят самолетов без дивизий авиации дальнего действия и была не поддерживающей силой, а основной – ударной.

Двенадцатого января наши войска соединились. Если в нашем мире войска Ленинградского фронта потеряли сорок тысяч только убитыми, а Волховского – семьдесят, то здесь общие потери составили не более тридцати, да и те по большей части от неумелого командования и неправильного взаимодействия войсковых соединений. У немцев же потери составили более ста двадцати тысяч солдат и офицеров только убитыми.

Печально знаменитая эсэсовская дивизия со знаковым именем «Полицай» была перехвачена в бессмысленных атаках с южного направления и уничтожена почти в полном составе выведенными в боевые порядки пехоты «Катюшами». «Полицай», превращенные волею немецкого командования в штурмовую пехоту, укладывались в ленинградские болота сотнями. Солдаты карательных полков и батальонов тонули, горели, замерзали ранеными, но рвались в бессмысленные атаки и так и не смогли прорваться к избиваемым с воздуха немецким подразделениям.

Зная о дислокации этой дивизии на линии Пороги – Мга, мы держали в резерве девять дивизионов «Катюш» и использовали их по назначению в самое подходящее для этого время. Полный залп дивизиона установок залпового огня и так-то не подарок, а с термобарическими боеприпасами вообще ужас божий. Плавился снег, высыхали болота, горели леса, торфоразработки и тогда еще живые каратели.

На железнодорожном перегоне Ульяновка – Мга была зажата еще одна немецкая дивизия, спешно перекидываемая немцами на помощь своим избиваемым в основном с воздуха войскам. Диверсионные группы «Хаски» и «Лето» в очередной раз взорвали «железку» вместе

¹⁶ 15 cm Nebelwerfer 41 – наиболее знаменитый и массовый РСЗО Вермахта.

с головным составом спешно перебрасываемой немцами дивизии, и фронтовая авиация разнесла в мелкие кровавые ошметки обе станции вместе с находящимися там немецкими подкреплениями.

Немцы просто не успевали восстанавливать единственную на тот момент целую железнодорожную ветку. Все без исключения железнодорожные линии подрывались по несколько раз в сутки. Мы потеряли восемнадцать диверсионных групп нашего управления, но парализовали железнодорожное движение на этом направлении на две с половиной недели.

Наши войска соединились. Блокада Ленинграда была снята, но в Шлиссельбурге и в Синявино в кольце оставалось, по меньшей мере, тридцать тысяч немецких солдат и офицеров. И тогда впервые на этой войне прозвучал Ультиматум.

Ультиматум всему немецкому народу. Озвучивал его Степаныч пятнадцатого января сорок четвертого года.

Синявинские высоты представляли собой много эшелонированный узел обороны, окруженный торфоразработками и не замерзающими болотами. Брать в лоб такой укрепленный район никто не собирался. Обойдя Синявино с севера и юга, наши войска соединились, а сам укрепрайон оставили на исполнение нашей очередной безумной затеи.

Казалось бы, к чему такое демонстративное позерство? Залили бы Шлиссельбург и Синявино напалмом втихую. Засыпали бы оба укрепрайона бомбами объемного взрыва, завалили термобарическими боеприпасами, сохранив жизни десяткам тысяч своих солдат, но именно эта порка должна была стать показательной для всей немецкой армии.

Деморализованные результатами применения новых боеприпасов немецкие генералы орали на весь немецкий мир. Какой там Рейхстаг? Какой Берлин со всего несколькими сотнями погибших?

Более семнадцати тысяч отборных эсэсовцев, живьем сожженных в глухих ленинградских лесах и болотах. Части двадцать шестого армейского корпуса, запертые в Шлиссельбурге и тщетно взывающие о помощи. Ощерившиеся стволами орудий и пулеметов Синявинские высоты....

И Степаныч, тяжело бросающий на весь мир слова о двухчасовом прекращении огня для выноса раненых и погребения погибших. Для окруженных немецких подразделений это прозвучало как изощренное издевательство – погибших немецких солдат было значительно больше, и их просто не успели бы похоронить, а раненых некуда было вывозить.

И ультимативное заявление, адресованное окруженным войскам Вермахта: «После временного прекращения огня все окруженные немецкие войска будут уничтожены. Штурмовать не будем. Завалим бомбами и снарядами. Все без исключения немецкие солдаты, офицеры и генералы, не прекратившие сопротивления после означенного срока, будут расстреляны. В плен можете не сдаваться – бессмысленно. Уничтожим всех.

В Ленинграде от голода и холода погибло более миллиона советских граждан. Дети, женщины и старики умирали в жесточайших мучениях. Мы считаем всех находящихся в окружении немецких солдат военными преступниками».

Это сообщение было несколько раз передано на весь мир на английском, немецком, финском, испанском и русском языках и ввергло всех, кто это слышал, в состояние глубочайшего шока. На исходе вторых суток прозвучало еще одно сообщение: «Взяты Синявинские высоты. Все немецко-фашистские войска уничтожены. Объявляется двухчасовое прекращение огня».

Через два часа немецкая группировка, окруженная в Шлиссельбурге, сдалась в полном составе.

* * *

И вот теперь мы летели в Ленинград. Мы – это я со своей неизменной «тенью» – майором НКВД Есиповым Андреем, личным порученцем Лаврентия Павловича Берии, и моя специальная группа, возглавляемая моим современником – капитаном морской пехоты Игорем Матюшиным с позывным «Лето».

Старший лейтенант Есипов успел повоевать под Киевом и под Москвой в сорок первом году. Потерял правую руку в сорок втором под Сталинградом. Долго лечился, а потом работал в Наркомате внутренних дел следователем, а в основном «мальчиком на побегушках». Теперь Андрей был навечно прикреплен ко мне, и хотя мне оставили мое звание подполковника теперь уже НКВД, этот простой в общении человек обладал просто заоблачной властью и неограниченными полномочиями.

Перед отлетом меня вызвал к себе Александр Иванович Малышев, и мы поехали в Кремль. Это было неожиданно. Я был совсем не при параде – обычный тренировочный маскировочный комбинезон, но Сталина я не увидел. Меня провели в секретариат, где я поставил несколько подписей на очередных подписках о неразглашении не сильно нужных мне государственных тайн, а затем отвели в приемную Сталина. Здесь уже сидел Малышев, оторопело разглядывающий небольшое красное удостоверение в своих руках.

В приемной, кроме нас и Александра Николаевича Поскребышева¹⁷, никого не было – время было неурочное. Раннее утро. В это время Сталин никогда не работал, но его бессменный секретарь и неизменный помощник был на месте. Увидев меня, Поскребышев усмехнулся.

– Вот ты какой, подполковник Лисовский! Навел ты в Средней Азии, как вы говорите, «шороху». Молодец! – Не давая мне сказать ни слова, Александр Николаевич добавил: – Иосиф Виссарионович прочел твой рапорт и считает, что с этим удостоверением тебе проще будет работать. Только подвести его ты теперь права не имеешь. – Поскребышев улыбнулся и протянул мне такую же книжечку, какую держал в руках Малышев, и лист бумаги с печатями – командировочное предписание.

И я превратился в соляной столп. Меня сложно удивить, почти невозможно напугать, но сейчас я просто-напросто впал в ступор. Как будто во сне я поставил свою подпись в книжечке, расписался в ее получении, отдал честь и вышел с Малышевым из кабинета.

Это была высшая власть в стране, индульгенция от всех ошибок, неограниченные возможности в командировках и жуткая ответственность без права на эту самую ошибку – личный представитель Иосифа Виссарионовича Джугашвили (Сталина).

Недаром я в Самарканде первого секретаря городского комитета партии пристрелил. Ох, недаром! Хорошо слетал! Душевно! Теперь в Ленинград полетим. С таким документом не страшно, а то в том же Самарканде меня чуть не расстреляли – Андрей со своей «ксивой» выручил. Все же личный представитель наркома внутренних дел он у нас там был один, а мы были так – шпаки прикомандированные.

В Ленинград с нами летел и «Лето» со своей такой же «тенью» и шестерыми местными осназовцами в качестве телохранителей. «Лето» мне был в поездке не особенно нужен, но, как показала практика, этот прошедший в нашем времени огонь, воду, медные трубы и уголовное преследование офицер морской пехоты обладал просто неоценимым даром находить самых разнообразных людей. Ну, и имел просто гипертрофированное чувство справедливости во всех ее проявлениях, от чего кулаки его, бывало, летали быстрее лопастей самолета.

Несмотря на то что ростом «Лето» не удался, в высоту он всего метр семьдесят шесть, резкий он, как недержание желудка, а ударом кулака может прибить наглухо любого. Мор-

¹⁷ Личный помощник Иосифа Сталина (более 20 лет).

скому пехотинцу, а тем более разведчику, быть двухметровой «шпалой» совсем необязательно. Главное – его знания, смелость, самоотверженность и умение организовать и повести за собой любое количество людей; в десанте подчиненные тянутся за своим командиром, и «Лето» в данном случае не исключение.

«Тень» его никак не слабее самого «Лето». В том же Самарканде эту в одно мгновение взорвавшуюся «тень» вчетвером держали, а он все норовил пнуть местного партийного чинушу, уже лежащего к тому времени без сознания.

Несмотря на то что в этом времени люди много сдержаннее и понимают ответственность за свои слова и поступки, основной помощник «Лето», в быту капитан НКВД Евгений Волошин, характером мало чем отличается от своего подопечного. Нашли, так сказать, друг друга, даже рост и телосложение у «Лето» и Волошина одинаковые. И в десанты вместе ходят, и морды тыловикам бьют, и по бабам бегают. В смысле по связисткам и медсестричкам.

Хотя... Есть у меня обоснованное предположение, что наших сопровождающих подбирали каждому из нас, основываясь на наших личных характерах.

К примеру, что у «Лето», что у «Багги» сопровождающие их детинушки полные и безбашенные отморозки. У меня – хорошо повоевавший, но тем не менее разносторонне образованный Андрей, с которым я периодически спорю на самые разнообразные темы. Рядом всегда есть еще пара осназовцев, вроде как на подхвате.

У Степаныча – мужичок чуть старше сорока лет. Степенный, медлительный и немного грузноватый, но, судя по движениям, мастер-рукопашник, да и с ножом явно на «ты».

Про Малышева можно и не упоминать – его даже в туалет вчетвером водят, а на выезде сопровождают взводом осназа при двух броневиках. Впрочем, выезжает новоиспеченный генерал из управления крайне редко и в основном в Кремль или в Кунцево на дачу к Сталину.

О научной группе я и не говорю: «Мишики», «Сава», Степаныч, «Хаски» и Ким живут и работают в специально построенном в управлении комплексе зданий, в который вход заказан всем, кроме нескольких десятков специально обученных людей.

Пройти в этот комплекс без сопровождающего или без спецпропуска и не зная суточного пароля можно и не пытаться – пристрелят без разговоров. Вернее, не пристрелят, а в предбаннике КПП запрут.

Человек, зашедший в здание, попадает сначала в обширный холл с несколькими дверями. За каждой из этих дверей длинный коридор, разделенный на несколько отсеков. Впускают в этот коридор по одному человеку. А там и полный личный досмотр, и проверка документов, и не дай бог у проверяемого в документах хоть одна закорючка стоит не там, где надо, или в карманах неучтенную скрепку обнаружат. Так в этом коридоре и останется до прибытия группы быстрого реагирования, бойцы которой проверяют нарушителя так, что эта процедура запомнится ему на всю оставшуюся жизнь.

В самом начале – еще на этапе строительства – в управление приехала проверка из Центрального Комитета партии. Штук десять надутых собственной значимостью партийных чиновников совали свои клювы, куда надо и не надо. Малышев, скрепя сердце, приказал провести их по всему комплексу зданий учебного центра, кроме закрытой территории, разумеется, но ведь дуракам закон не писан. Несколько раз ведь дуболомам повторили, что там отдельная охрана и она никому, кроме Лаврентия Павловича Берии, не подчиняется.

В результате четверых полностью потерявших берега «индюков» из этих проверяльщи-ков не только раздели догола, но и устроили им всем проктологический осмотр. «Багги» лично процесс контролировал. Злые языки поговаривают, что и участвовал. Врут, наверное, станет «Багги» руки марать. Ему приказать проще.

Часовые из внешней охраны говорят, что верещали эти проверяльщики так, что заглушили учебную роту, развлекающуюся на стрелковом полигоне. Зато после той проверки жела-

ющих прорваться на закрытую территорию, да и вообще посетить территорию нашего управления резко поубавилось.

* * *

Блокаду Ленинграда сняли, но мы летели в город, жители которого прошли через жуткий голод и нечеловеческие испытания, поэтому, как только о нашей поездке узнали в управлении, к нам потянулись гонцы с продуктами.

Управлению специальных операций было всего несколько месяцев, но народу в нем было уже достаточно много. К тому же у нас был склад трофейного вооружения и продовольствия, да и снабжали нас по самой высшей военной норме. Так что улетали мы загруженные тремя туго набитыми мясными консервами, сгущенным молоком, шоколадом и сахаром вещевыми мешками каждый. Это помимо оружия и личных вещей.

Так как мы базировались на теперь уже бывшем Тушинском аэродроме, то в управлении были свои самолеты и летчики. Летели на облегченном донельзя транспортном «Ли-2».

Самолет, бывший в девичестве американским «Дугласом», был загружен под завязку. С нами отправили двоих фельдкурьеров с запечатанными различными печатями мешками. Видимо, в наркомате посчитали, что лучше охраны и придумать невозможно. Остаток веса в самолете забили не учтенными нигде мешками с крупами.

Наконец и для меня нашлось дело. То самое дело, которое мы с Малышевым готовили уже несколько длинных военных месяцев и подготовка к которому еще не была мною завершена. Дело в том, что для осуществления моей задумки мне была нужна хорошо сработанная разведывательно-диверсионная группа с грамотным и всесторонне образованным командиром. И крайне необходимо было, чтобы этот командир владел финским и немецким языками.

Пока такую группу мне найти не удалось. Конечно же, я мог поискать этих людей в наркомате внутренних дел, но в этом случае они докладывали бы не только мне и Малышеву, но и еще кому-нибудь другому. Вряд ли самим Берии или Абакумову, но их заместителям уж точно, а подобное положение вещей нас совершенно не устраивало.

Я летел в город своего детства и все еще не верил в реальность происходящего. Прошло уже пять месяцев моего пребывания в этом мире, а я до сих пор не адаптировался к окружающей меня действительности, хотя побывал во многих уголках этой огромной страны. Страны, которую мы в моем мире навсегда потеряли, но потеряли мы не страну. В своем мире и времени мы потеряли веру людей в эту страну, а здесь я видел совершенно другое. Другое отношение, другие стремления и совершенно других людей.

В Узбекистане в пригороде Самарканда я встретил семью из шестнадцати человек. Двое взрослых и четырнадцать детей. Шестеро детей своих, а восемь приемных: немецкий мальчик от погибших переселенцев, трое тех, кого в нашем мире зовут хохлами, две русские девочки и братишка с сестренкой из Гродно – евреи, разумеется.

Интересно! А внуки и правнуки вот этих вот хохлов вспомнят, что их дедов и двух сопливых русских девчонок подобрала на улице, спасла от голодной смерти и воспитала простая узбекская женщина, совершенно не знающая русского, а уж тем более украинского языка?

В той семье мы забрали немецкого мальчика. Мальчишке было пятнадцать лет, и он хорошо знал немецкий язык. К тому же этот ребенок был очень адаптивен – менее чем за год он освоил узбекский язык и говорил на нем.

Мне сначала не поверили, что я забираю мальчика в штат нашего управления, но я написал номер своей полевой почты и сказал, что мальчик будет переводить в приемную семью свой военный аттестат. Для этой семьи это было серьезное подспорье, а кормят и одевают у нас в армии бесплатно, и мальчик в любом случае не будет ни в чем нуждаться.

А какая мне разница, сколько лет бойцу управления? Пятнадцатилетний мальчишка быстрее освоится и включится в работу, тем более что сначала он все равно будет учиться, а работать ему придется на переводах и обучении людей основам немецкого языка. На фронт мы мальчика не пустим, а пользы у нас он принесет значительно больше, чем в Самарканде.

Лейтенант медицинской службы Анастасия Стрельцова

Прилетели они на «Ли-2» на рассвете восемнадцатого января. Самолет сел на профилированную полосу полевого аэродрома и, натужно ревя моторами, тяжело покатился к месту временной стоянки. Это был не их самолет. Не санитарный. Не тот, что она ждала, но Стрельцова все равно кинулась к нему, не заметив, как напряглись встречающие этот самолет люди, и только у самого трапа ее перехватил крепкий сержант НКВД.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.